

Н. И. БРУНОВ

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В настоящее время не остается сомнений в том, что мечеть Фенари-Исса в Стамбуле представляет собой комплекс переделанных турками зданий монастыря Липса. Этот комплекс состоит из двух церквей, из которых северная была построена Константином Липсом, придворным императора Льва VI, в 908 г. Между 1282 и 1304 гг. императрица Феодора, вдова Михаила VIII Палеолога, пристроила к уже существовавшему зданию вторую церковь, южную, и ряд других помещений, которые включали в себя захоронения лиц, связанных с династией Палеологов. Здания монастыря Липса были издавна широко известны в литературе по византийскому искусству, однако назначение постройки в качестве действующей мечети и густая побелка стен не позволяли достаточно отчетливо разобраться в строительных периодах комплекса и представить себе вид зданий в 908 г. и в конце XIII в. Только после разрушительного пожара 1917 г. оказалось возможным сделать более детальные наблюдения над византийскими частями двух церквей и высказать более обоснованные предположения о первоначальном виде каждой из них. Особенно большое значение для истории византийской архитектуры имеет северная церковь 908 г., так как она является в качестве древнейшей сохранившейся церкви Константинополя X в., отличающейся высоким качеством архитектуры и строительной техники, одним из узловых памятников византийского зодчества.

Между 1917 и 1924 гг. архитектура зданий монастыря Липса оставалась неизученной. Во время командировки осенью 1924 г. в Стамбул мне представилась возможность исследовать эти постройки. Я мог делать небольшие зондажи в некоторых особенно существенных местах, так как здание оставалось беспризорным и в нем ночевало стадо овец. Результаты своих наблюдений я опубликовал в очень детальной форме в 1926 г. в журнале *Belvedere*, выходявшем в Вене. К этому исследованию были приложены чертежи реконструкции в плане северной и южной церквей в качестве рабочей гипотезы для дальнейших исследований (рис. 1).

В 1922 г. Макриди, работавший тогда в Стамбуле, провел большие раскопки в зданиях монастыря Липса, причем архитектурные обмеры и исследование архитектуры вел Мамбури. Отчет об этих больших работах не был опубликован, за исключением коротких заметок в различных журналах.

В 1960 г. американский Византийский институт в Стамбуле, по согласованию с турецкими властями, осуществил в Фенари-Исса реставрационные работы, которые дали возможность провести дополнительные исследования архитектуры обеих церквей и произвести небольшие раскопки.

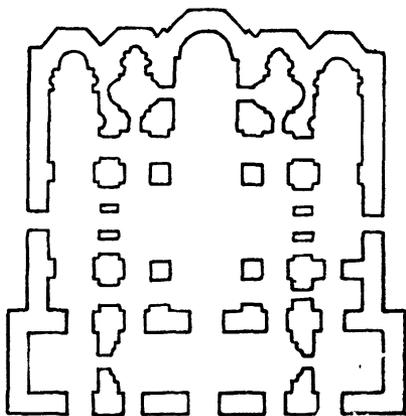

Рис. 1. Церковь Липса. Реконструкция плана. Схема автора

Результаты этих работ были, вместе с составленной Макриди статьей об его работах, опубликованы Мега в 1964 г. (рис. 2—8) ¹.

История исследования зданий монастыря Липса дает показательный пример того, как вредно отражается на научной работе отсутствие опубликованных отчетов об архитектурно-археологических изысканиях. В настоящее время авторов исследования 1929 г. — Макриди и Мамбури — уже нет в живых, их материалы пропали, судя по тому, что американские ученые могли опубликовать только очень краткий и не всегда достаточно точный отчет Макриди и несколько чертежей Мамбури, которых недостаточно для того, чтобы представить себе, что же было найдено во время этих очень

больших работ. Сами американские исследователи гадают в отношении некоторых результатов исследований 1929 г. Положение усложняется еще тем, что Макриди особенно интересовался найденными им фрагментами скульптуры и орнаментальных деталей и не очень углублялся в изучение архитектуры, к тому же опубликованные в 1964 г. чертежи Мамбури отличаются во многих отношениях неточностью и даже ошибочными обозначениями, что было частично отмечено американскими учеными. Так, например, последние указали на случаи, когда Мамбури принимал стены, выложенные турецкой кладкой, за византийские. В других случаях Мамбури неверно обозначает различной штриховкой части здания, относящиеся к X и к XIII вв., путая между собой эти два строительных периода. Неполноценны также и фотографии, приложенные к статье Макриди: они не дают удовлетворительного представления о том, что было найдено во время раскопок. Можно себе поэтому представить, сколь ненадежным является весь материал Макриди и Мамбури для суждения о первоначальном виде северной церкви комплекса, значение которой особенно велико.

Вследствие столь плачевного состояния исследования архитектуры Фенари-Исса на протяжении тридцатых, сороковых и пятидесятых годов следует особенно приветствовать начавшиеся работы американских ученых, которые имеют возможность делать любые зондажи и закладывать необходимые раскопы. Можно надеяться, что, наконец, исследование византийских, в особенности средневизантийских, построек Константинополя будет поставлено на прочное научное основание.

Первые опубликованные результаты этих исследований уже дали много нового и позволяют надеяться, что изучение важнейшего раздела истории византийской архитектуры будет сдвинуто с мертвой точки. Вместе с тем, многообещающее начинание побуждает к тому, чтобы по возможности подробно и углубленно разобраться в новых данных, которые принесли с собой американские публикации.

В настоящее время, в особенности после основополагающих работ Айналова и Милле, не приходится много говорить о выдающемся значении константинопольской школы зодчества в истории византийской архитектуры. При изучении архитектурных памятников Константинополя

¹ A. M e g a w. The Original Form of the Theotokos Church of Constantine Lips. — DOP, 18, 1964, p. 279 sq. Там же приведена литература вопроса.

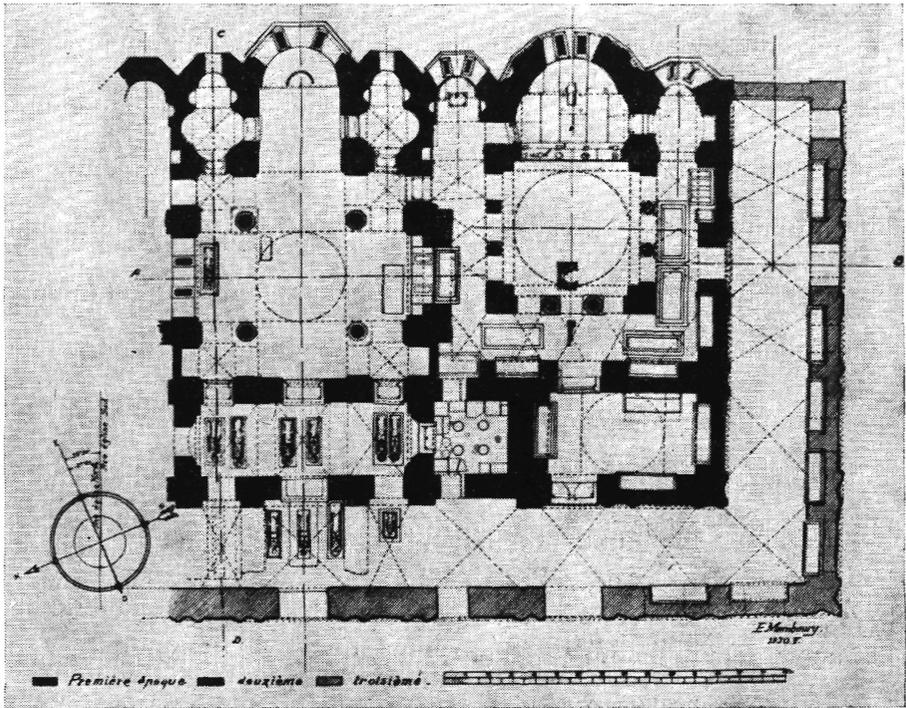

Рис. 2. Фенари-Исса. Нижний ярус. План Мамбури

необходимо постоянно иметь в виду принципиальное различие, а нередко даже противоположность столичного зодчества и архитектуры вне Константинополя. В зависимости от того, принадлежит ли то или иное здание к константинопольской или греко-восточной школе византийского зодчества, следует подходить с различными критериями к анализу архитектурной композиции данной постройки. Это не значит, конечно, что между этими двумя школами не было обмена композиционными приемами и архитектурными мыслями. Не всегда здание, находящееся территориально вне столицы, не имеет существенных точек соприкосновения с константинопольскими постройками, точно так же некоторые постройки столицы обладают общими чертами с греко-восточными зданиями и носят на себе следы влияния одной из школ, на которые, в свою очередь, распадается греко-восточная архитектура. И все-таки при изучении произведений византийской архитектуры необходимо, помимо исторических периодов (ранне-, средне-, поздневизантийской архитектуры и отдельных исторических подразделений внутри каждой из них), учитывать также и территориальные различия.

Одновременно с этим очень большое значение имеют особенности, обусловленные функциональным назначением данной постройки. В отношении церкви Липса существенным является ее принадлежность монастырю. С этим прежде всего связаны очень небольшие размеры здания, которые, как можно предположить, отличали его от больших городских соборов. Принадлежность церкви Липса монастырю могла вызвать также и такую, например, особенность, как миниатюрные часовни, расположенные во втором ярусе. Правда, при этом необходимо иметь в виду общее развитие константинопольской архитектуры от средневизантийского к поздневизантийскому зодчеству, которое заключается в распадении прежде единого интерьера на ряд отдельных часовен — молелен богатых феодалов. Это относится в особенности к церкви монастыря

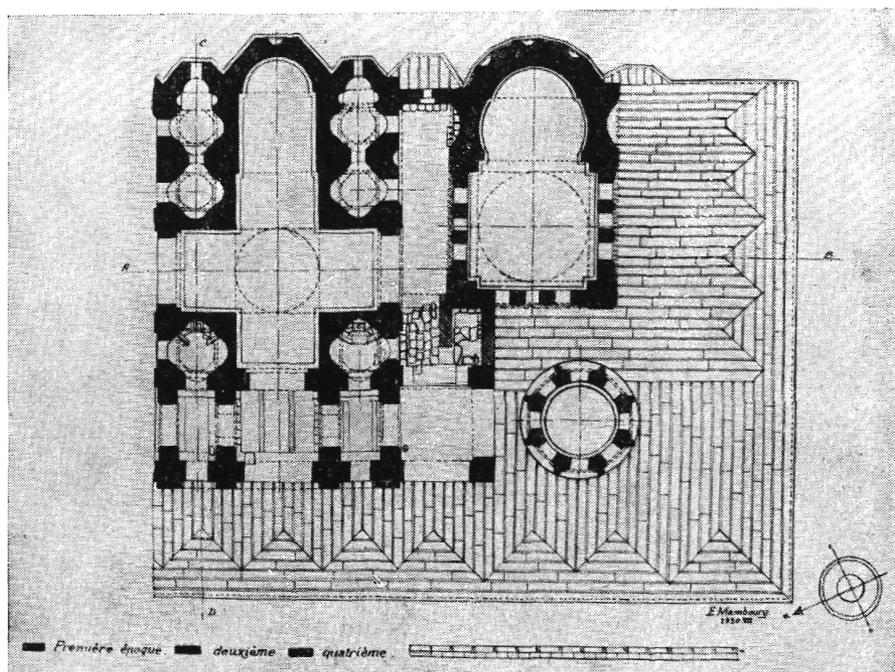

Рис. 3. Фенари-Исса. Верхний ярус. План Мамбури

Хора. Однако и последняя является монастырским зданием. В ней скрестились два начала: развитие в сторону поздневизантийской столичной архитектуры и назначение в качестве монастырской церкви. Впрочем, выделение небольших часовен наблюдается также и в более ранних постройках, например, в Календер, где в углах имеются даже два яруса часовен, что, вместе с нижним ярусом, дает три яруса. Миниатюрные часовенки над западными угловыми частями основного крестовокупольного квадрата в плане имеются также и в Эски-Имарет, причем в них устроены окошки, выходящие в интерьер главного помещения. В последнем случае это были не самостоятельные часовни, так как в них не могло быть алтарей, а особо выделенные части хор, в которые вели карликовые порталы. Необходимо отличать отдельные замкнутые помещения хор (от самостоятельных часовен со своими алтарями, а также привилегированные помещения второго и, может быть, третьего яруса в монастырских церквах от общего процесса распада церковного интерьера на отдельные молельни в поздневизантийское время.

Наиболее значительным результатом новейших исследований северной церкви монастыря Липса является новая ее реконструкция в качестве особого варианта трехнефной крестовокупольной церкви. Реконструкция Мега отличается остроумным характером и свидетельствует о живой исследовательской мысли автора. Поэтому, а также ввиду очень большого значения памятника в истории византийской и всемирной архитектуры, необходимо особенно тщательно рассмотреть каждый из многочисленных предложенных Мега выводов и отнести к ним по возможности критически.

Начну с предположения Мега, что церковь Липса была пятикупольной, как это показано на его реконструкции. Основаниями для такой реконструкции (мысль о которой подал Хокинс, как Мега сам об этом говорит) служат: 1) наблюдения автора над сохранившимися частями разрушенного купола главного (восточного) помещения юго-восточной часовни,

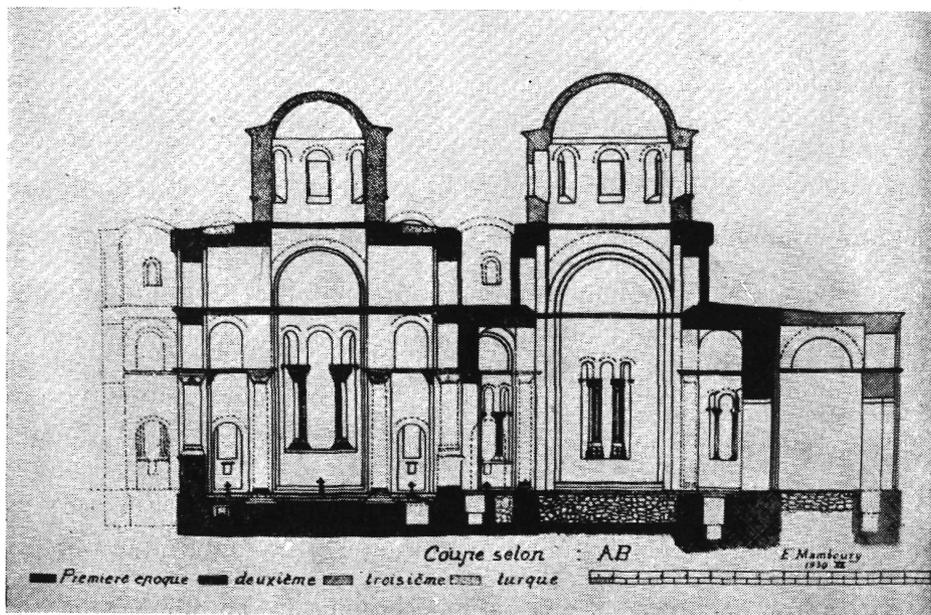

Рис. 4. Фенари-Исса. Поперечный разрез Мамбури по куполам

где оказались, совсем как в основании не сохранившегося главного купола, остатки каменного кольца, восьмигранного в плане, которые интерпретированы Мега как остатки основания восьмигранного барабана под исчезнувшим ныне куполом, и 2) общераспространенное представление, разделяемое Мега, что для византийского зодчества характерна пятикупольная система с расположением малых куполов в диагональных направлениях по отношению к главному куполу.

В отношении каменного кольца возникает прежде всего вопрос, достаточно ли имеется археологических данных для вывода о том, что в данном месте существовал восьмигранный барабан под малым куполом над алтарной частью юго-восточной часовни? Нет ли аналогичных каменных колец под другими куполами часовен церкви Липса, в особенности в тех случаях, когда сами купола сохранились? Этот вопрос всплывает потому, что на разрезе Мамбури (рис. 5), в который попал соответствующий купол над алтарной частью северо-восточной часовни, показано в двух местах основание купола без барабана. Можно, конечно, сослаться на некоторую ненадежность чертежей Мамбури, однако эта ненадежность относится в большей степени к обозначению принадлежности данной части здания к тому или иному строительному периоду. Вряд ли можно представить себе, что Мамбури просто фантазировал, пометив на своем чертеже основание купола, которое на самом деле не существовало в его время. Во всяком случае большим недостатком статьи Мега является то, что он не дал чертежей, по которым можно было бы судить, что в действительности представляет собой сохранившееся основание купола, о котором идет речь, и что заставило автора сделать предположение о первоначальном существовании барабана. Опубликованные американскими учеными статьи страдают тем же недостатком, что и отчет Макриди: они тоже не дают достаточного чертежного материала для суждения о найденных остатках первоначального здания.

Предположим, что доказано наличие барабана под куполом в одном случае — над алтарем юго-восточной часовни. Вытекает ли отсюда, что аналогичный барабан был также и под куполом алтарной части северо-

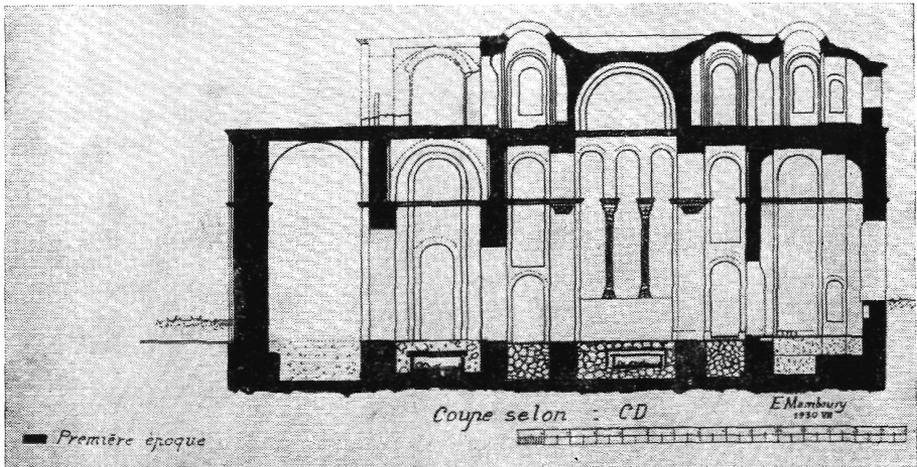

Рис. 5. Февари-Исса. Продольный разрез Мамбури по северному нефу северной церкви в северную сторону

восточной часовни? Этот вопрос тем более законен, если принять во внимание чертеж Мамбури, о котором только что говорилось! Для византийской архитектуры характерно единство утилитарного и художественного, из которого вытекает функциональное обоснование архитектурных форм. Барабан под куполом связан в византийских постройках с освещением помещений, перекрытых куполом. Как раз алтарное помещение юго-восточной часовни имеет хорошо сохранившееся довольно большое окно, которое достаточно освещало часовню и делало излишним существенные траты на сооружение барабана. Западное помещение юго-восточной часовни могло иметь, согласно реконструкции самого Мега, только купол без барабана и вследствие этого было темным, так как в его южной стене была только дверь, конечно, закрывавшаяся. Если все же по тем или иным причинам захотели осветить только алтарную часть юго-восточной часовни, почему же не осветили аналогичным образом алтарную часть юго-западной часовни? Для решения вопроса о возможности существования [предположенного автором барабана имеет еще значение реконструкция крайних боковых нефов, или, как думает автор, примыкающих к основной части церкви в восточной ее части приделов (одноярусных с открытыми верхними платформами или в виде двухъярусных частей здания). При наличии второго яруса окно давало бы меньше света и, вследствие этого, более возможным является барабан. При отсутствии второго яруса барабан становится менее вероятным, так как окно давало бы достаточно света.

Распространенное представление о византийском пятикупольном типе здания представляется мне в значительной степени предвзятым мнением, по крайней мере по отношению к константинопольской школе византийской архитектуры. В византийской столице, несмотря на значительное количество сохранившихся средневизантийских церквей, мы не имеем ни одного случая пятикупольной системы с малыми куполами на барабанах, расположенными в диагональных направлениях по отношению к главному куполу. Это не может быть случайностью, которую, возможно, кто-нибудь захотел бы объяснить монастырским назначением или малыми размерами ряда сохранившихся столичных средневизантийских памятников. В частности, против такого предположения говорит более крупная Гюль-Джами, в которой имеются четыре диагонально расположенных угловых купола, лишенных барабанов. Остается только ссылка на

Νέα. Не случайно Конэнт² реконструировал ее по образцу Гюль в значительной степени из-за пяти куполов. Однако, возможно, что расположение куполов Νέα было аналогичным их расположению в церкви Апостолов и в Сан-Марко³, что приближает собор к современным ему константинопольским постройкам. Νέα отпадает в качестве достоверного константинопольского примера расположения четырех дополнительных куполов в диагональных направлениях.

Исключительно большое значение имеют русские постройки XI — XII вв., в особенности София в Киеве, Спасопреображенский собор в Чернигове, София в Новгороде, София в Полоцке и другие. Многие исследователи признают, что многоглавие Софии киевской возникло под влиянием русской народной деревянной архитектуры, так как подобные композиции неизвестны в византийской архитектуре и в архитектуре стран, связанных с Византией в истоках их каменного зодчества. Решающим является не столько засвидетельствованный летописью факт постройки в Новгороде тринадцатиглавой дубовой Софии на несколько десятилетий раньше каменной Софии Киевской, сколько связь многокупольной композиции последней с системой растущих вверх деревянных срубов, группа которых, в частности, образовала также и деревянную Софию в Новгороде. Многоглавие как завершение группы срубов из горизонтально положенных бревен — вот в чем заключается основа многоглавия Киевской Софии. По отношению к ней семиглавие Полоцкой Софии и пятиглавие Спасопреображенского собора в Чернигове, каменной Софии и Николо-Дворищенского собора в Новгороде представляют собой производную композицию. В связи с этим, естественно, возникает предположение, что группа по диагоналям расположенного пятиглавия возникла в русском зодчестве вполне самостоятельно.

Этот специальный вопрос требует особого рассмотрения. Мы настолько привыкли считать русскую архитектуру X — XII вв. провинциальной разновидностью византийского зодчества, что недооцениваем оригинального характера этой замечательной архитектуры, которая коренится в многосотлетней традиции русского народного деревянного зодчества, объясняящей нам удивительный и столь быстрый расцвет русского зодчества X — XII вв., а также устойчивость его традиций.

В отношении церкви Липса возникает вопрос, почему необходимо обязательно предположить, что она имела пять куполов, если даже будет доказано, что один из куполов имел барабан? Ведь и в этом случае возможно, что здание имело первоначально два купола на барабанах и что таким образом была особо выделена одна из часовен, возможно, принадлежавшая какому-либо привилегированному монаху. Ведь был же купол на барабане над особо выделенным помещением перед южной церковью монастыря Липса⁴, причем эта церковь имела всего два купола на

² K. C o n a n t. *Early Mediaeval Church Architecture*. Baltimore, 1942, pl. XXII.

³ Новым в Νέα могло быть внесение в архитектурную композицию крестовокупольной системы.

⁴ Естественно предположить, что это помещение было гробницей императрицы Феодоры, строительницы южной церкви монастыря Липса, что уже давно было высказано печатно. Манго и Хокинс (DOP, 18, 1964, стр. 302) предположили, что гробницы Феодоры и ее дочери находились в южном нефе самой южной церкви, причем западная гробница принадлежала дочери императрицы, а восточная гробница — ей самой. Основанием для такого суждения послужило то, что обе гробницы оказались украшенными мозаиками. Предположение Манго и Хокинса якобы подтверждается уставом монастыря времени Феодоры. (H. D e l e h a y e. *Le typicon du monastère de Lips à Constantinople*. — «Analecta Bolandiana», 36, XII — IV. Bruxelles — Paris, 1920, p. 388 suiv. Cp. i d e m. *Deux typica byzantins de l'époque des Paléologues*. Bruxelles, 1921, p. 130; D. L a t h o u d. *La litanie mariale des monuments de Constantinople*. — *L'Union des Églises*, III, № 9, 1924, p. 271, n. 1). В примечании 63 к статье Макриды (Th. M a c r i d y. *The Monastery of Lips and the Burials of the Palaeologi*. — DOP, 18, 1964, p. 253 sq.) Манго высказывает мнение, что в западной гробнице южной

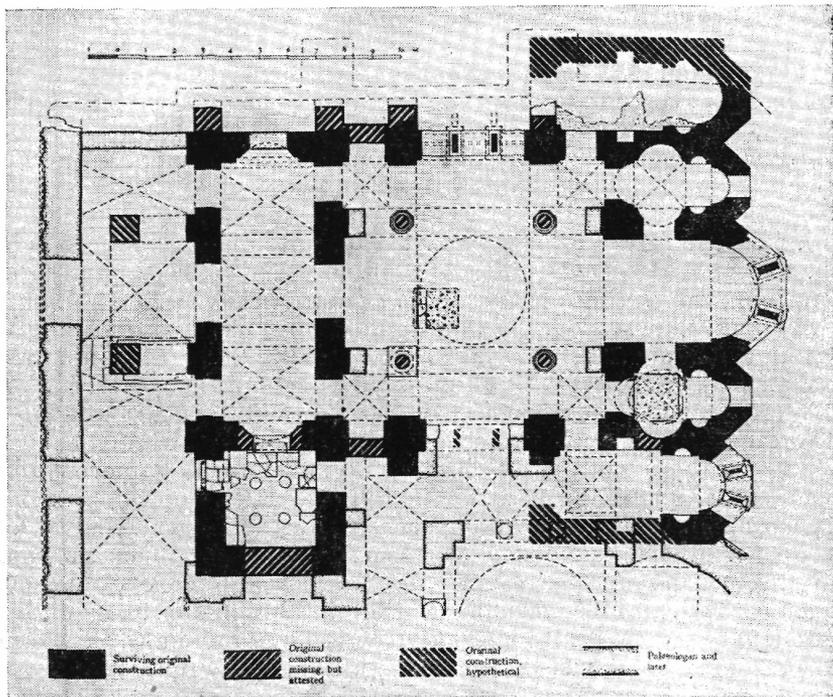

Рис. 6. Церковь Липса. План Мега

барабанах. Такое предположение противоречит убеждению Мега, что для средневизантийской архитектуры особенно существенным композиционным приемом является симметрия. Учитывая это возражение, можно предположить, что здание имело три купола и что аналогичный купол на барабане стоял над северо-восточной часовней, правда, вопреки чертёжу Мамбури. Такая композиция вовсе не лишена аналогий. Например, в древнейшей русской архитектуре известны симметричные трехкупольные композиции, начиная с XII в. в соборе Ивановского монастыря в Пскове, а также в первой половине XIII в. в соборе в Суздале, от которого идет целая линия развития трехглавых церквей. В русской архитектуре, по крайней мере с начала XII в., встречается также и композиция двух куполов над главной частью здания, например в соборах

стены южной церкви была похоронена дочь Феодоры, а в восточной — сама императрица вместе со своей матерью. Манго упоминает при этом, что Макриди обнаружил в этой восточной гробнице оссуарий, разделенный на три части. Очевидно, этот последний факт противоречит гипотезе Манго и Хокинса, не говоря уже о неверности предположения, что императрица и ее мать были похоронены в одной и той же гробнице. Предположение Манго и Хокинса прямо противоречит тексту устава. В нем сказано: *ἐν δεξιᾷ εἰσόντι τὸν τοῦ Προδρόμου νεῶν ὁ νεκρὸς τῆς ἐμῆς προκαταθεῖς ἐστὶν θυγατρός*. Иначе говоря, восточная гробница южной стены южного нефа содержала тело дочери. Однако, какие основания считать, что устав имеет в виду вход в южную церковь через южную дверь? Более естественно предположение, что в уставе подразумевается вход в церковь Претечи через главный вход, т. е. через западную дверь. Тогда *ἐν δεξιᾷ εἰσόντι τὸν τοῦ Προδρόμου νεῶν* означает, что дочь Феодоры была похоронена в единственной нише справа от входа, т. е. в нише южной части западной стены южной церкви. *Μετὰ δὲ τὴν μεταξὺ πύλην* означает за средней дверью, т. е. в купольном помещении. Его архитектура прямо указывает на то, что это была привилегированная гробница, предназначенная для императрицы — строительницы. Мозаики в купольной гробнице могли быть еще роскошнее, чем в южном нефе южной церкви. Слова устава: *Ὅχι ἀνεχομαι διαστήναι ταύτης καὶ μετὰ θάνατον* — означают не погребение в одном аркосолии, а в особо выделенном в здании погребальном помещении.

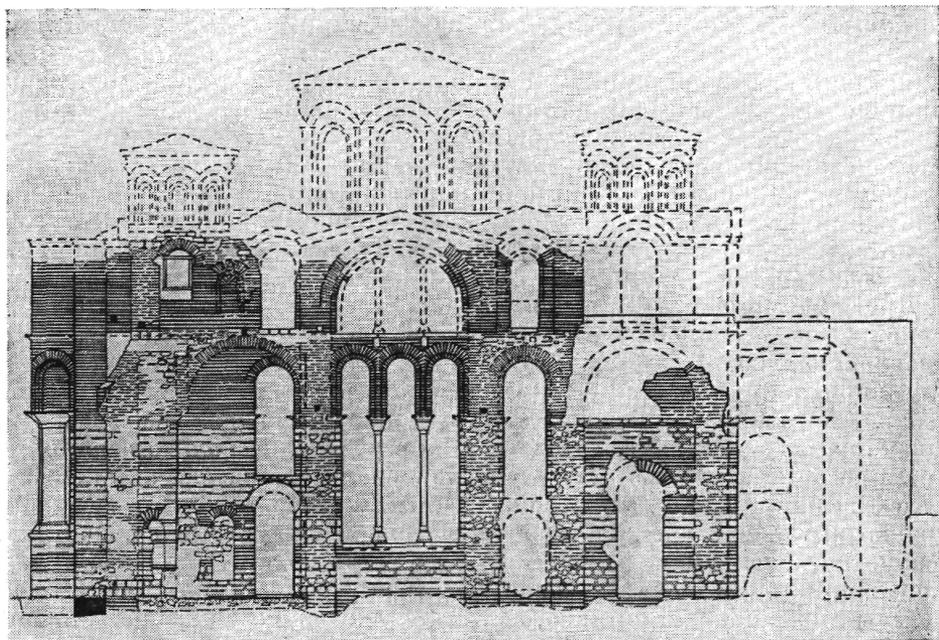

Рис. 7. Церковь Липса. Северный фасад Мега в современном виде

Антоньева и Юрьева монастырей около Новгорода. При этом малый купол в этих случаях как раз освещает помещение на хорах.

Необходимо при изучении памятников архитектуры факты, добытые наблюдениями над самим памятником, в особенности при помощи конструктивно-технического обследования, связывать с анализом композиции памятника, а также с анализом данного отрезка развития всемирной архитектуры в целом. Предположим, что над северо-восточной часовой (вопреки чертежу Мамбури) все же окажутся неоспоримые остатки барабана под куполом. Необходимо поставить вопрос, сделано ли действительно все возможное для исследования на месте предполагаемого барабана под куполом юго-восточной часовни? Допустим, что это сделано и что в будущем будет доказано, что обе восточные часовни имели купола на барабанах. Можно ли даже при таком положении (которого нет в настоящее время) сделать предположение, выдвигаемое Мега, о первоначальном существовании пяти куполов? Гипотеза Мега о пяти куполах основывается на чисто формальном соображении о симметричности первоначального здания. Для этого Мега пришлось: 1) пренебречь функциональной стороной здания и поместить купола в восточной его части над главными частями часовен, а в западной части здания — над «передней» с двух сторон; 2) несколько искусственно расположить западную пару куполов над прямоугольными помещениями, что вызвало необходимость предположить существование системы дополнительных арочек, при помощи которых прямоугольное в плане помещение возможно было перекрыть куполом. В архитектуре Константинополя средневизантийского времени аналогичные конструктивные решения отсутствуют. Кроме того, диаметры западной и восточной пары куполов оказались различными.

Основное возражение против размещения пяти куполов, предложенного Мега, заключается в том, что диагональные купола, как правило, в средневизантийское время размещали над угловыми помещениями основной части крестовокупольной системы. Малые купола внутренне вытекают из этой системы, в которой угловые помещения могут быть

перекрыты различным образом: цилиндрическими сводами, оси которых ориентированы с запада на восток или с севера на юг, крестовыми сводами, сомкнутыми сводами, половинками цилиндрических сводов, наконец куполами без барабанов или с ними, а также более сложными сочетаниями сводов и арок. Угловые купола в средневизантийское время не располагали произвольно на любых частях здания. Они в качестве перекрытия угловых частей крестовокупольного здания внутренне глубоко связаны с этой архитектурной системой и логически из нее вытекают. Об этом, в частности, ярко свидетельствуют древнейшие русские памятники зодчества.

Другим слабым местом реконструкции Мега первоначального облика церкви Липса является предположенный им портик перед серединой западной наружной стены здания. Этот портик действительно соответствует принципу симметрии в архитектурной композиции северной церкви Фенари, которому Мега справедливо придает столь большое значение. Однако на реконструкции автора портик выглядит несколько неорганичным. Бросается в глаза отсутствие функционального назначения портика и его отдельных частей. Зачем понадобился такой портик? В особенности странно выглядит на плане различная толщина двух столбов портика. Непонятно, почему было нужно придавать портику такую высоту. Функционально необоснованными являются нижние арки, которые не обоснованы также и конструктивно, не говоря уже о художественной стороне их композиции. Странно выглядит тяжелый свод, перекрывающий портик, а в особенности (на боковых фасадах портика) высокие поверхности кирпичной кладки над двумя ярусами арок. Если предположить плоскую кровлю над портиком — как бы своеобразный балкон, можно было бы обосновать его высоту. При двухскатной крыше образуется нагрузка на основание свода, частично погашающая его распор. Однако функциональная необоснованность всего сооружения делает ненужной и непонятной такую конструкцию.

Ценным является наблюдение Мега, обнаружившего после того, как с наружной стены нартекса церкви Липса был снят слой штукатурки, следы пяти арок, которые на реконструкции превратились в нижние арки портика.

Мега удачно связал свои наблюдения с указанием на остатки фундаментов в соответствующих местах, обнаруженные во время раскопок Макриди и обозначенные на плане Мамбури. Однако вопрос остается недоисследованным и необходимо провести дополнительные изыскания, чтобы выяснить, что же примыкало к средней части наружной стены нартекса северной церкви и какую архитектурную форму имел этот придаток. Можно задать вопрос, что могло быть на этом месте кроме портика? Ответ дадут дальнейшие исследования. В качестве предварительного предположения я могу только указать на возможность существования на этом месте перехода на хоры из соседнего здания жилого назначения. Подобные переходы в ряде случаев известны в византийской архитектуре, а также в русских памятниках XI — XII вв. Особенно следует упомянуть Успенский собор во Владимире Андрея Боголюбского, в котором некоторые особенности первоначального здания указывают на то, что переход от дворца на хоры собора находился именно в середине западной стены собора.

Дальнейшей особенностью реконструкции Мега, которая вызывает сомнения, является отрицание им первоначального существования северной лестничной башни или квадратной пристройки другого назначения на этом месте, которая соответствовала бы сохранившейся южной лестничной башне. Решающим аргументом в пользу такого вывода в рассуждениях Мега является то обстоятельство, что во время предпринятых им раскопок он не нашел основания северной башни. Однако, есть ли

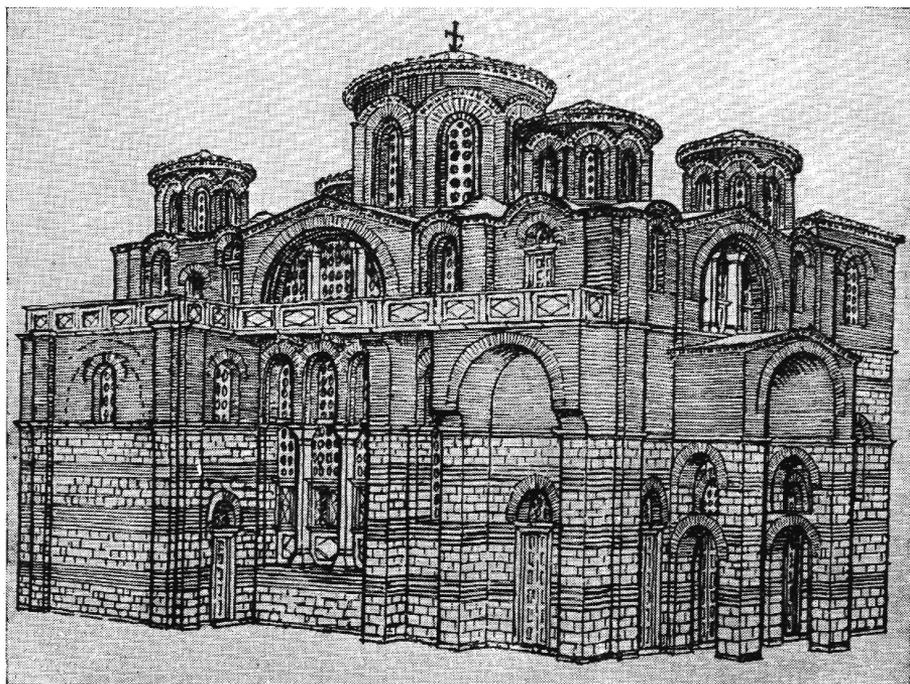

Рис. 8. Церковь Липса. Реконструкция Мега

уверенность в том, что дальнейшие исследования не обнаружат этих остатков? Сделано ли автором все возможное и необходимое для того, чтобы утверждать, что никакие последующие поиски не могут привести к положительным результатам? На данном этапе исследования первоначального облика церкви Липса такая уверенность еще не достигнута.

Остановимся прежде всего на чисто археологических работах автора. Проведенные раскопки недостаточны для утверждения, что северной башни никогда не существовало. На первый взгляд, существенным представляется вывод, что раскопки не обнаружили остатков северной башни. Однако раскопана была не вся та площадь, на которой находилась северная башня, если представить себе ее по аналогии с южной башней. К этому присоединяется также отсутствие сведений о том, какова была раскопанная Макриди площадь и что дали его раскопки на этом месте. Наиболее существенно, что автору не удалось обнаружить также и остатков северной стены и северной части западной стены предполагаемого им северо-восточного придела, который он тем не менее реконструирует на основании остатков апсиды этого предполагаемого придела. Нужно думать, что автор во время его раскопок сделал все возможное для того, чтобы обнаружить в натуре реконструируемые им части придела. Тем не менее ему не удалось археологическим путем найти этих остатков, несмотря на то, что был заложен специальный раскоп с целью обнаружить северо-западный угол предполагаемого придела. Это означает, что до раскопок автора почва была настолько перерыта, что никаких остатков византийских стен X в. не сохранилось в этом месте. Между тем не может быть сомнения в том, что в данном месте эти стены в X в. существовали, примем ли мы реконструкцию автора или будем придерживаться более старой реконструкции, согласно которой здание было пяти-нефным. Это означает, что всякое доказательство, основанное на том, что в раскопках не найдено следов византийских стен на том месте, где пред-

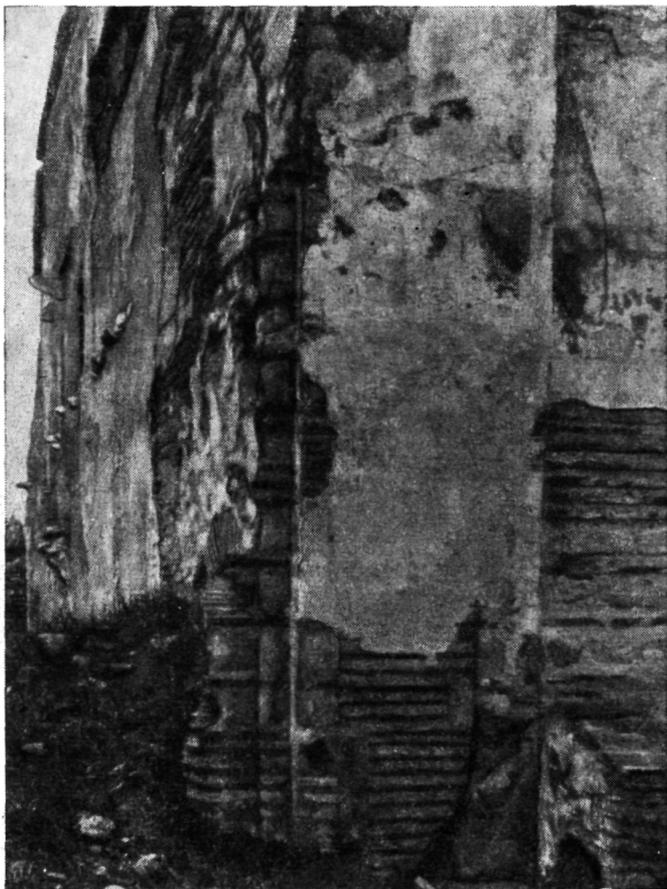

Рис. 9. Северо-западный угол Фенари-Исса.
Фото автора. 1924 г.

полагалась северная башня, начисто отпадает. Бездоказательной является также ссылка на то, что на месте предполагаемой северной башни не было найдено подстилки под пол, остатки которой были обнаружены в предполагаемом северном приделе, так как и в последнем были найдены только незначительные остатки такой подстилки, непосредственно примыкающие к стене между главной частью здания и предполагаемым приделом, в то время как на большей части площади последнего подстилки под пол также обнаружено не было. Вполне возможно, что аналогичная подстилка не была обнаружена на месте предполагаемой северной башни потому, что она со временем была уничтожена в еще большей степени, чем на месте предполагаемого северного придела. В вопросе о том, существовала ли в X в. северная башня, археологический аргумент отпадает. Остаются наблюдения над сохранившейся частью церкви Липса.

Два бесспорных факта говорят прямо в пользу того, что северная башня существовала в X в. Наружная западная стена пристройки XIII в. не только не загибает под прямым углом на восток в том месте, где автор предполагает наружную северную сторону нартекса церкви Липса, чтобы примкнуть к северо-западному углу здания по реконструкции автора, но западная стена пристройки XIII в. продолжается дальше на север и обрывается на случайном месте (рис. 9). Я на это обстоятельство указал уже раньше. Мега на это ссылается, но высказывает предположение, что соответствующий сохранившийся выступ западной стены пристройки

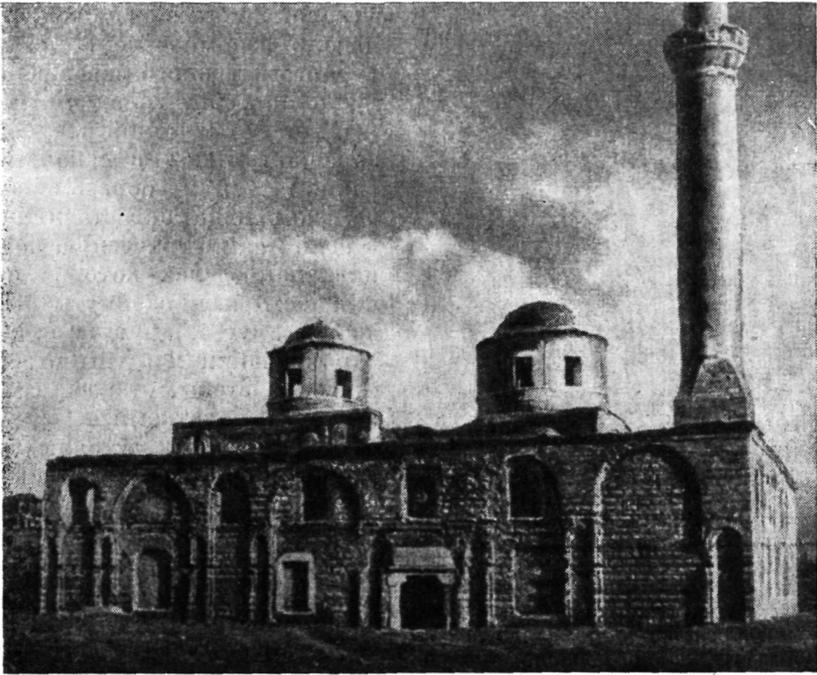

Рис. 10. Фенари-Исса. Западная стена в 1935 г.

XIII в. представляет собой контрфорс, подобный тем контрфорсам, которые он реконструирует с северной стороны в соответствии с двумя стенами нартекса церкви Липса и с западной парой ее подкуполных колонн. Версия о контрфорсе отпадает потому, что отсутствует стена XIII в., которая замыкала бы с севера западную часть галереи того же времени. Кроме того, остатки на северном конце западной стены западной галереи XIII в., как они выглядели в 1924 г., не оставляют сомнения в том, что эта стена имела значительное продолжение на север. Это — очень сильный довод в пользу первоначального существования северной башни. Поэтому вдвойне непонятно то, что во время последних раскопок не уточнили характера северного окончания западной стены западной части галереи XIII в., хотя сделать это было довольно легко.

Имеется еще одно очень веское доказательство того, что западная сторона западной галереи XIII в. продолжалась первоначально гораздо дальше на север, в соответствии с имевшейся северной башней церкви Липса. После снятия штукатурки с наружной части западной стены западной галереи XIII в. очень отчетливо выступила общая ритмическая структура этой стены (рис. 10). Она имеет, если рассматривать ее с севера на юг, следующие подразделения: 1) три части, отделенные друг от друга узкими лопатками с нишками, из них средняя часть шире боковых — эти три части соответствуют нартексу церкви Липса; 2) широкая часть, соответствующая южной башне церкви Липса; эта часть несколько шире широкой части, соответствующей среднему нефу церкви Липса; 3) две узкие части, соответствующие купольной пристройке к церкви XIII в.; ширина каждой из этих двух узких частей несколько больше ширины каждой из двух частей западной стены, соответствующих боковым нефам главной части церкви Липса; наконец, 4) замыкающая всю композицию с юга очень широкая часть, ограниченная с севера широкой угловой лопаткой с широкой нишей. Не может быть сомнения в том, что и с севера всю композицию завершала аналогичная широкая часть стены с широкой

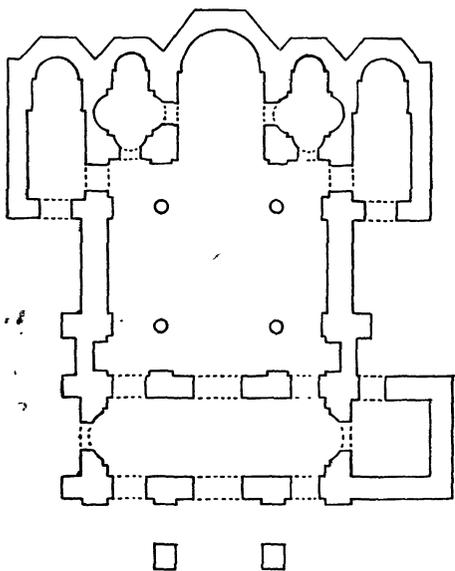

Рис. 11. Схема реконструкции плана церкви Липса в виде трехнефного здания с одной башней. Схема автора по Мега

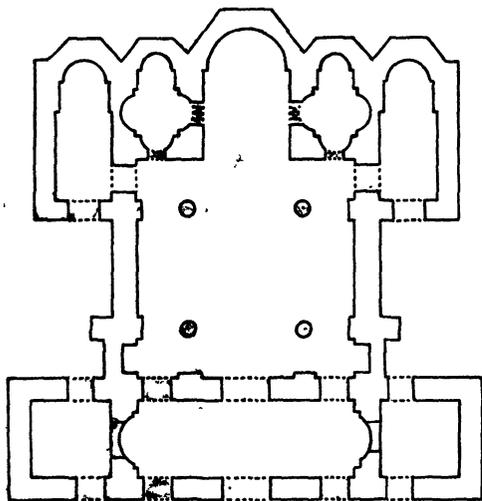

Рис. 12. Схема реконструкции плана церкви Липса в виде трехнефного здания с двумя башнями. Схема автора

вадет. Между тем, план северной церкви Липса без второй башни выглядит таким же неорганичным, как западная стена всего здания XIII в. без последнего деления с севера, которое не существует. Разница заключается только в том, что средневизантийская архитектура тяготеет к последовательной симметрии. Она в церкви Липса осуществлена во всех ее частях, за исключением отсутствующей северной башни, существование которой отрицает Мега. Достаточно взглянуть на предложенный им план первоначального вида церкви Липса (рис. 11), чтобы убедиться в незавершенности этого плана именно вследствие внутренне

угловой лопаткой и нишей, что создавало взаимное соответствие северного и южного завершения западной стены западной галереи XIII в. Ритмический рисунок всей западной стены в реконструированном таким образом первоначальном виде представлял собой в целом симметрическую композицию, в пределах которой отдельные части были сдвинуты по отношению друг к другу при помощи варьирования ширины отдельных отрезков стены, отделенных друг от друга лопатками и нишками. Вся композиция состояла из двух групп по три отрезка стены каждая, которые соответствовали двум церквям всего комплекса, причем эти шесть подразделений стены были замкнуты с каждой стороны широким отрезком стены и широкой угловой лопаткой с нишей. Очень характерно для живописного стиля времени Палеологов тончайшее равновесие асимметрической композиции в пределах симметрического целого, что представляет собой продолжение в архитектурной композиции классической греческой традиции, которая с особым блеском была осуществлена в постройках Афинского Акрополя и в его ансамбле. Невозможно предположить, что последнего, не существующего в настоящее время с севера членения западной стены не существовало в XIII в., так как без него западная стена имеет неоконченный облик и подобна телу человека или животного, лишенного руки или ноги.

Мега прав, когда он так акцентирует значение симметрии в композиции средневизантийской архитектуры. Однако применительно к башням он о симметрии забывает.

нелогического отсутствия северной башни. Все это прямо указывает на то, что она первоначально существовала (рис. 12).

Наконец, имеется еще один важный довод в пользу первоначального существования северной башни. На разрезе Мамбури, проходящем через северный боковой неф церкви Липса и обращенном на север (рис. 5), отчетливо показаны следы сохранившихся лопаток, которые ограничивали с востока и с запада проем в северной стене хор над нартексом церкви Липса. Эти лопатки показаны также и на разрезе Конэнта (рис. 20). В 1924 г., когда я имел возможность подробно обследовать также и эту часть здания, остатки обеих лопаток существовали и были видны очень отчетливо, при этом сохранились лицевые поверхности обеих лопаток в сторону проема. Что касается чертежа Мамбури, то можно было бы сослаться на его неточности, наблюдаемые в других отношениях. Действительно, Мамбури показал лопатки не залитыми, как другие части церкви Липса. Однако он это сделал потому, что обе лопатки не попали в разрез, так же как и существующие до сего времени остатки северных верхних часовен. Остатки этих двух лопаток свидетельствуют о том, что в северной стене хор над нартексом церкви Липса имелся широкий проем, который, несомненно, был внутренним проемом, ведущим во второй ярус северной башни. Этот проем никак не может быть наружным проемом, как показывает его автор на своем чертеже северной наружной стены церкви Липса, неправильно реконструируя его более узким (рис. 7).

Остатки свода на наружной северной стене церкви Липса, расположенные на уровне свода нижнего помещения нартекса, представляют собой остатки свода, перекрывавшего верхнее помещение исчезнувшей ныне северной башни.

Найденные автором остатки мраморной облицовки на наружной северной стене нартекса церкви Липса также свидетельствуют о том, что в этом месте примыкало исчезнувшее ныне помещение, внутренней облицовкой которого и была та, остатки которой были найдены. В других местах, где были обнаружены аналогичные остатки облицовки, следует также предположить исчезнувшие ныне помещения, существовавшие раньше.

Северная башня церкви Липса должна была существовать. Необходимо найти ее следы археологическим путем. Во всяком случае тезис об отсутствии северной башни, защищаемый Мега, если он в нем убежден, должен быть доказан путем тщательного исследования памятника. Мне этот тезис представляется невероятным.

Остается разобрать положение Мега об отсутствии крайних боковых нефов церкви Липса. Существование в Константинополе в средневизантийское время пятинефной крестовокупольной системы доказано по крайней мере в одном случае — в Календер. При этом угловые помещения основной крестовокупольной части Календер, довольно хорошо сохранившиеся, имеют помещения в три яруса, что говорит об особенно сложной структуре крайних боковых нефов этого здания. В других местах, кроме Константинополя, пятинефные крестовокупольные здания известны в нескольких случаях, в первую очередь в Майфаркине в Месопотамии, в Мокви в Абхазии и в нескольких русских постройках в Киеве, а также в Новгороде и Полоцке. Все это не оставляет сомнений в том, что пятинефная крестовокупольная система не только существовала в средневизантийское время в Константинополе, но что она и происходит именно из Константинополя. Следует предположить, что она представляет собой расширенную разновидность крестовокупольной системы, рассчитанную на большие города с многолюдным населением. Поэтому, естественно искать представителей пятинефной крестовокупольной системы именно в Константинополе, в первую очередь, в дошедших до нас византийских постройках. Это признает также и Мега. Его предположение,

что Гюль-Джами была пятинефным зданием, мало вероятно, так как в сохранившихся ее остатках, если мысленно удалить турецкие добавления, очень отчетливо вырисовывается здание, близкое по своему архитектурному типу к Софии в Салониках. Возможно, на эту мысль Мега натолкнула реконструкция Конантом Néа на основании Гюль-Джами. Эта реконструкция не представляется мне убедительной, так как купола Néа были, по-видимому, расположены как в Сан-Марко.

Вместе с тем несомненно, что в отдельных постройках Константинополя средневизантийского времени пятинефная крестовокупольная система подвергалась той или иной переработке, в зависимости от ряда конкретных причин, в частности, возможно, в монастырских церквях, в которых не требовалось столь вместительных интерьеров. Эта переработка могла выражаться, например, в том, что крайние боковые нефы больше или меньше отделялись от главного трехнефного помещения и что их использовали для других надобностей, иногда, может быть, в них устраивались особые молельни, тем или иным проемом выходившие в церковь, подобно тому, как это, например, осуществлено в более позднее время в Кахриэ-Джами. Переработка крайних боковых нефов могла идти также по пути отделения их отчасти или совсем глухими стенами от церкви и вскрытия их интерьеров наружу при помощи портиков на колоннах. Предельным выражением подобной переработки является трехнефная церковь с двумя наружными портиками с севера и с юга. Такой была северная церковь монастыря Пандократора, на северной стене которой сохранилась консоль, на которую была положена балка перекрытия, а также уступы на лопатках, связанные с таким перекрытием (рис. 13). Аналогичную форму имела также и более поздняя южная церковь Фетиэ, на южной стене которой сохранился ряд консолей, причем на существование наружного портика в этом здании указывают также и другие его особенности. Примерно такой представлялась северная церковь монастыря Липса Эберсольту. Еще шаг дальше сделан в Будрум, в которой узкая галерея без перекрытия окружает трехнефную церковь. Эта галерея частично покоится на висячих сводах, которые были использованы Мега для его реконструкции первоначального вида церкви Липса.

Существуют также более радикальные трансформации пятинефной крестовокупольной церкви, например большая церковь в Херсонесе, в которой рядом с трехнефной частью помещены приделы с апсидами, так что восточная сторона этого здания выглядела похожей на пятинефную крестовокупольную церковь. При анализе композиции церкви в Херсонесе мы сталкиваемся с противоположностью константинопольской и греко-восточной школы византийской архитектуры. Для последней характерна тенденция к раздробленности внутреннего пространства, которое распадается на ряд замкнутых помещений, отделенных друг от друга глухими толстыми стенами с небольшим количеством малых по размерам проемов. Церковь в Херсонесе распадается на множество таких замкнутых помещений, из которых два представляют собой боковые приделы, напоминающие предполагаемые Мега боковые приделы церкви Липса. Это прямо противоречит основной тенденции архитектурной композиции константинопольских мастеров, направленной в сторону свободной связи между собой различных частей интерьера и внутреннего пространства с наружным.

Как в настоящее время во многих бывших византийских церквях Константинополя, так и в 1924 г. в церкви Липса невозможно было заглянуть под штукатурку и под землю, поэтому возникло в самой общей форме предположение о том, что церковь Липса и многие сохранившиеся византийские здания століцы представляли собой первоначально пятинефные крестовокупольные здания. При этом невозможно было, как,

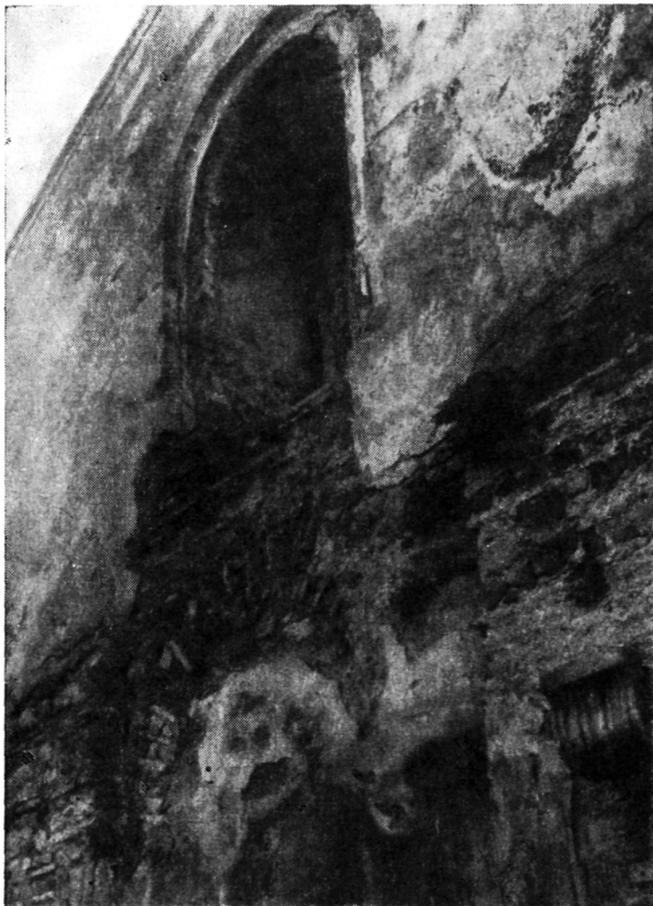

Рис. 13. Деталь наружной стены северной церкви монастыря Пандократора. Фото автора. 1924 г.

впрочем, и сейчас, представить себе в отдельных случаях характер и степень отклонения от пятинефного типа в отдельных постройках. Так, например, в южной церкви монастыря Пандократора квадратные добавления к нартексу с севера и юга, подобные башням церкви Липса, заставляли полагать, что к востоку за этими добавлениями существовали какие-то помещения. При этом естественно было предположить крайние боковые [нефы]. Исследования американских ученых в последнее время⁵ обнаружили с юга от южной церкви подобные нефам продолговатые помещения, связанные с главной частью церкви несколькими проемами (рис. 14). Однако характер связи вновь открытых помещений с тремя основными нефами здания остается недоследованным. Нет даже уверенности в том, что разделяющая их в настоящее время стена относится к первому строительному периоду. Необходимо очень детально исследовать эту стену, считаясь при этом с возможностью ее возникновения в течение второго или еще более позднего строительного периода. Ведь мы знаем, что еще в византийское время церкви Константинополя многократно перестраивались и переоборудовались, в особенности в период Палеологов, когда в архитектуре возникла тенденция разделять интерьеры на отделенные

⁵ A. M. E. g a w. Notes on the recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul.—DOP, 17, 1963, 355 sq.; cp. p. 341 (рис.).

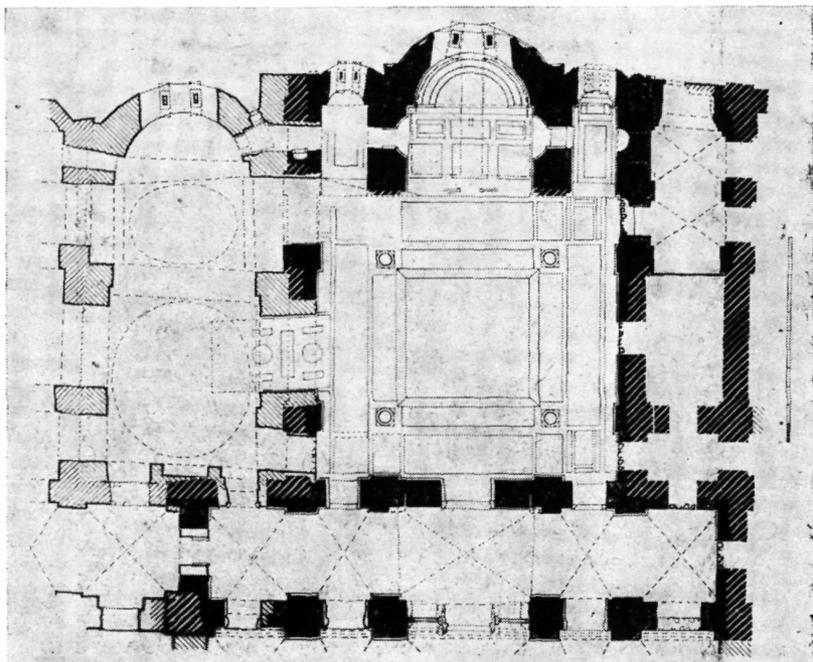

Рис. 14. План Мега южной церкви монастыря Пандократора по американским исследованиям. 1961 г.

Рис. 15. Северная церковь монастыря Пандократора.
Фото автора. 1924 г.

Рис. 16. Апсиды церквей монастыря Пандократора.
Фото автора. 1924 г.

друг от друга молельни. В отношении южной церкви монастыря Пандократора существенно исследовать угловые помещения центральной части и при всех обстоятельствах выяснить форму и назначение открытых с юга от южной церкви и вплотную примыкавших к ней частей здания. Современный наружный облик южной церкви заставляет предположить существование верхних часовен между концами креста (рис. 15).

Необходимо иметь в виду, что при исследовании константинопольских средневизантийских построек следует применять глубокие зондажи, так как только они могут во многих случаях вскрыть строительные периоды византийского времени, которые нередко не только наслаивались друг на друга, но и взаимно как бы проникали друг в друга, так что более поздняя кладка глубоко внедрялась в более раннюю.

В отношении двух главных церквей монастыря Пандократора сомнителен также вывод новейших исследователей о том, что южная церковь возникла раньше северной, так как по своей архитектуре последняя более архаична. Особенно ярко об этом свидетельствует характер апсид северной церкви, менее раздробленных и более приземистых (рис. 16). Об этом говорит также картина последовательного возникновения двух больших церквей монастыря Пандократора. Представим себе на минуту положение, когда существовала, согласно догадкам новейших исследователей, только одна южная церковь. Если к ней пристраивали северную, то как могли при ее возведении отступить от южной церкви на ширину двух нефов? С севера южная церковь, несомненно, имела пристройку, аналогичную вновь открытой пристройке с юга, об этом говорит квадратный выступ нартекса на север, увенчанный на западной стороне закомарой. В таком случае естественно было придвинуть северную церковь,

ее основную часть, вплотную к южной, а не отодвигать ее на один неф к северу, принимая во внимание, что сама северная церковь была трехнефной с наружными портиками. Вряд ли ее строители создали между ее трехнефной частью и крайним северным помещением южной церкви дополнительное замкнутое помещение. Наоборот, естественно представить себе северную церковь стоящей отдельно с двумя наружными портиками и что к ней позднее пристроили пятинефную южную церковь. Ведь возможно, что более роскошную, как говорят новейшие исследователи, южную церковь построили так, что северная ее стена пятидольного нартекса была встроена в частично разобранную стену южного отделения пятидольного нартекса северной церкви.

Какую бы форму церкви Липса ни обнаружили современные и будущие исследователи, все же невозможно оторвать церковь Липса от константинопольской системы пятинефной крестовокупольной церкви, тем или иным вариантом или той или иной переработкой которой она, несомненно, является.

Остается рассмотреть последнюю особенность реконструкции церкви Липса, остроумно предложенной Мега, — его утверждение, что эта церковь представляет собой трехнефное здание с двумя приделами, примыкающими к восточной части постройки. Доказанным это положение в опубликованных работах считать никак нельзя. Ряд обстоятельств говорит в пользу того, что реконструкция Мега неправдоподобна.

Прежде всего следует отметить, что последние раскопки, предпринятые в 1960 г., ничего не доказали. Ведь наружные стены предполагаемого Мега придела также обнаружены не были. Были найдены остатки только крайней боковой северной апсиды. Однако это не дало ничего нового, так как кусок этой апсиды еще в 1924 г. был виден висящим на некоторой высоте. Поэтому ссылка на раскопки 1960 г. в доказательство отсутствия первоначального существования нефа к северу от сохранившихся частей отпадает. То обстоятельство, что на месте предполагаемого крайнего бокового нефа не найдено остатков подстилки под пол, также не является доказательством, так как внутри предполагаемого Мега придела эти остатки столь незначительны, что они могли бы и не сохраниться вовсе. Нет ничего невозможного в том, что на месте предполагаемого крайнего северного бокового нефа остатки византийского времени были разрушены настолько, что подстилка под пол вовсе не сохранилась, как это имеет место также и под северной башней, примыкавшей, по-видимому, к нартексу.

Очень многое в сохранившихся частях северной церкви свидетельствует о первоначальном существовании перекрытого помещения к северу от средней части трехнефного здания.

Очень вероятное первоначальное существование северной башни свидетельствует в пользу существования помещений как с юга, так и с севера, между башнями и восточными пристройками-«приделами». Сравнение плана Мега с тем же планом, дополненным северной башней (рис. 11 и 12), склоняет к такому решению вопроса. Именно наличие башен и приделов делает очень простым возведение крайних боковых нефов, которые представляют собой соединение башен и приделов стенами, что прямо напрашивается при взгляде на план северной церкви без крайних боковых нефов, но с северной башней. Неиспользование архитектором этой возможности было бы нерациональным.

На первоначальное существование крайних боковых нефов указывают также и восточные часовни верхнего яруса. Проще было бы поместить их внизу, например, в промежутках между башнями и приделами, вместо того, чтобы изобретать очень сложную, неудобную и искусственную систему узких переходов, которые реконструирует Мега. Другое дело при наличии крайних боковых нефов, которые занимали собой то место,

которое можно было бы отвести для часовен и которые делают простым и естественным доступ к восточным часовням верхнего яруса.

Необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство. В восточном отделении северо-западной часовни, сообщающейся непосредственно с нартексом, имелось первоначально в северной стене этой часовни окно, которое впоследствии было переделано в дверной проем. Естественно задать вопрос, когда это могло быть сделано? Не может быть сомнения в том, что окно превратили в дверь до турецкого времени, когда здание функционировало еще как церковь и когда функционировали также и верхние часовни. Скорее всего дверной проем был проломлен в эпоху Палеологов. Не совсем ясно, зачем это было сделано, так как в северо-западную часовню имелся очень удобный вход со стороны хор нартекса. Отсюда как будто следует, что дверной проем имел значение не только для сообщения с часовней, но также и для того, чтобы присутствующие за пределами часовни могли лучше видеть происходящее внутри нее. Это свидетельствует в пользу того, что дверной проем вел из часовни в значительное помещение, в котором могло пребывать много людей. Вряд ли дверной проем был бы устроен из окна, если бы к северу от северо-западной часовни находилась всего лишь узенькая галерея, как это предположил Мега. Появление дверного проема, ведущего прямо в восточное отделение северо-западной часовни верхнего яруса, можно было бы, например, объяснить тем, что, начиная с известного времени, хоры над нартексом стали вмещать особо выделенное помещение, которое препятствовало движению в северо-западную часовню через хоры нартекса (они могли быть в то время даже отделены от часовни). Поэтому устроили дверной проем, к которому попадали снизу через лестницу в северной башне и дальше во второй ярус северного крайнего бокового нефа. Таким особым назначением хор нартекса могла быть, например, царская ложа, устроенная в XIII в., когда весь комплекс был превращен в усыпальницу династии Палеологов.

Против реконструкции Мега свидетельствует также весьма рискованная система галереи, которая не могла быть в такой форме достаточно устойчивой, тогда как можно было так просто получить два крайних боковых нефа, которые значительно увеличивали бы вместимость здания и в то же время устанавливали бы очень простое и удобное сообщение с часовнями. Это было бы тем более оправдано, если оказалось бы, что крайние боковые нефы имеют верхние ярусы, как это было предположено также и Мамбури, что еще гораздо больше увеличило бы вместимость здания. Необходимо со всей тщательностью доследовать вопрос о том, не существовало ли на самом деле надстроек над крайними боковыми нефами. Плоские стены верхней части сохранившегося здания указывают скорее на двухъярусные боковые нефы. Необходимо отметить также, что устройство крайних боковых нефов, при наличии двух башен и двух приделов, обошлось бы очень дешево. Заказчики и архитекторы должны были пойти скорее на этот расход, чем на дорогостоящее сооружение предположенного Мега западного портика, не имеющего никакого функционального назначения.

До сих пор недостаточно исследована сохранившаяся северная наружная стена церкви Липса, которая в 1924 г. была недоступна для наблюдений, так как ее поверхность была скрыта под поздней штукатуркой. На изданном Мега чертеже (рис. 7) ее кладка показана сильно разрушенной на поверхности, в особенности в наиболее существенных для реконструкции первоначальной формы здания местах. На чертеже кладка показана не сохранившейся везде там, где могли примыкать пяты арок, перекинутых через крайний боковой неф, или там, где следует ожидать первоначального существование башни. В тех местах, где примыкала апсида придела и сам придел, картина, представленная на чертеже,—

Рис. 17. Северная стена Фенари-Исса.
Фото автора. 1924 г.

примерно такая же, как в тех местах, где можно предположить первоначальное примыкание крайнего бокового нефа и башни. В частности, обращает на себя внимание участок северной стены, соответствующий западным угловым делениям плана главной части здания. Отметим некоторое противоречие между реконструкцией Мега и его чертежом. В то время как на реконструкции на этом месте показана глухая стена до верхнего края второго снизу слоя кирпичной кладки, на чертеже фасада на том же месте пунктиром показан проем. Принимая во внимание, что на чертеже пунктиром обозначены реконструируемые части церкви Липса, необходимо предположить, что автор чертежа реконструировал проем, существовавший изначала. Возможно, что это — ошибка чертежа. Однако на том же чертеже ясно видно, что в современном состоянии здание не сохранило никаких следов первоначального устройства, что могло породить у автора сомнение в том, как правильно реконструировать это место ⁶.

Сравнение друг с другом наружной поверхности столбов на северной стене по обеим сторонам тройной аркады обнаруживает полнейшее сходство потревоженной кладки. Столб к востоку от тройной аркады соответствует западной стене «придела». Естественно предположить аналогичную систему к северу от столба, расположенного к западу от трой-

⁶ Сомнение было у Мега также и в отношении одновременности постройки южной церкви и южной и западной галерей (DOP, 17, p. 334, п. 6). Первоначально Мега примкнул в этом вопросе к мнению Мамбури и Макриди, но позднее от него справедливо отказался.

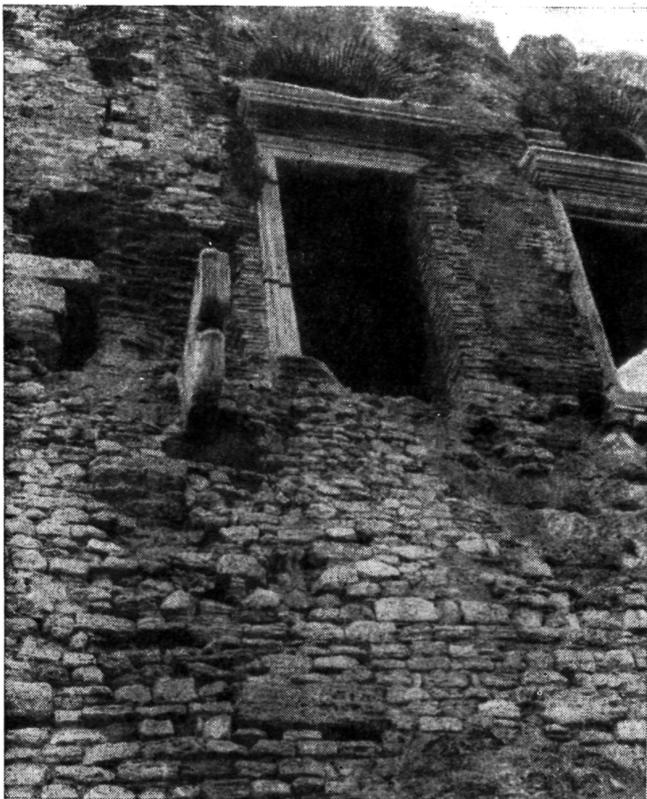

Рис. 18. Деталь дворцового фасада («дворец Буколеона») в Константинополе, выходящего на Мраморное море. Фото автора. 1924 г.

ной аркады. В обоих случаях имеется по гнезду деревянной связи, которые обе указывают на примыкавшие помещения.

Мега привлек для обоснования возможности своей висячей галереи аналогию с Будрум. Однако в Будрум мы имеем совершенно другую систему в целом и иную композицию. В частности, в Будрум нет перехода галереи между сводами на кронштейнах в виде мраморных досок, опирающихся на мраморные кронштейны, как это Мега предполагает с двух сторон в церкви Липса. Остатки балок, которые Мега принимает за кронштейны, не могли быть ими. Прежде всего, мраморные балки сечением 25×40 см (причем 40 см представляют собой их высоту), выступавшие из стен примерно на 1 м 40 см (или 1 м 50 см), не могли выдержать тяжести мраморных досок толщиной в 20 см, по которым ходили люди, причем одновременно на них могло находиться значительное количество людей. Другое дело, если эти остатки представляют собой фрагменты балок, перекинутых через крайний боковой неф, причем на них был положен деревянный настил⁷. Обнаруженные мраморные плиты могли быть подоконником под большими полукруглыми окнами. Остатки

⁷ По моей просьбе профессор Московского архитектурного института А. Н. Попов проверил возможность конструкции кронштейнов, которую предложил Мега, за что приношу А. Н. Попову глубокую благодарность. А. Н. Попов пришел к выводу, что торчащие из северной стены обломки мраморных балок не могли быть кронштейнами. Эти балки могли только перекрывать прилегающее помещение, которым мог быть только крайний боковой неф. Расчеты А. Н. Попова приведены в следующей за данной статье. В этих расчетах диаметр балок принят 25×40 см, в то время как по новейшим исследованиям он составляет только 20×32 см.

балок по своей форме не похожи на кронштейны (рис. 17). В Константинополе сохранилось несколько памятников, которые имели легкие балконы на кронштейнах. Эти последние сделаны совсем иначе, чем остатки балок на северной стене церкви Липса (рис. 18). Существенно также, что остатки балок Фенари имеют богатую орнаментацию, которая указывает на то, что балки находились во внутренних помещениях. Наружные каменные карнизы в византийских зданиях обыкновенно делали более простыми, гладкими или покрытыми надписями. Если бы мраморные плиты под полукруглым окном северной стены были остатками пола галереи, они должны были бы сохраниться также и в других частях северной стены.

Самым сильным аргументом Мега в пользу того, что северная стена церкви Липса, дошедшая до нас, является первоначальной наружной стеной здания, заключается в тех следах застекления, которые были обнаружены в первую очередь в тройной большой аркаде северной стены, а также в проеме южной стены центральной части церкви Липса, соответствующем западным угловым помещениям этой центральной части. С этим связана стена под тройной аркадой северной стороны, которая была обнаружена во время раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури. В 1924 г. трудно было учесть без раскопок высоту культурного слоя, которая была уточнена во время раскопок. Стена под тройной аркадой имеет высоту около 1 м 50 см. Эта стена отделяет центральную часть здания от того, что лежит к северу от нее. Однако высота в 1 м 50 см все же позволяет взрослому человеку свободно смотреть через тройную аркаду и, стоя к северу от нее, видеть происходящее к югу от аркады. В этом отношении эта стена отличается от стены под тройной аркадой средней апсиды, которая имеет высоту около 2 м, что не позволяет снаружи видеть происходящее внутри здания. Необходимо доследовать следы застекления, не были ли это незастекленные решетки, и поискать их также и в других местах. Ведь не исключено предположение, что застекление появилось не в первый строительный период, а только позднее, например, в эпоху Палеологов, а, может быть, еще и в средневизантийское время. Этот вопрос нужно доследовать и достигнуть в этом отношении полной ясности. При этом необходимо местами применить глубокие зондажи, чтобы окончательно убедиться в отсутствии византийских переделок. Это тем более важно, что превращение окна в дверной проем в восточном отделении северо-западной часовни свидетельствует о византийских переделках именно в северной части здания.

Другая возможность заключается в том, что застекление существовало изначала и что крайний боковой неф представлял собой нечто среднее между нефом и портиком. Наконец, не исключена возможность того, что северный крайний боковой неф имел какое-то особое функциональное назначение и что он был отделен в связи с этим от средней части здания. На реконструкции церкви Липса, опубликованной Конэнтом (рис. 19—22), которую не приводит и даже не упоминает Мега, застекление показано. Очевидно Конэнт на месте, уже после раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури, видел следы застекления. Между тем реконструкция Конэнта предполагает пятинефную систему церкви Липса. Как показывает его реконструкция южного фасада, которую автор, конечно, принимает однотипной с реконструкцией северного фасада, Конэнт считает, что крайние боковые нефы были изначала отделены от центральной части, а проемы, связывающие их друг с другом, были застеклены. Однако Конэнт на своей реконструкции проемы южного фасада, выходящего наружу, т. е. проемы в южной стене южной церкви, также показывает застекленными. В результате у Конэнта получаются крайние боковые нефы, отделенные от центральной части застекленными проемами и выходящие наружу довольно плотными стенами, хотя

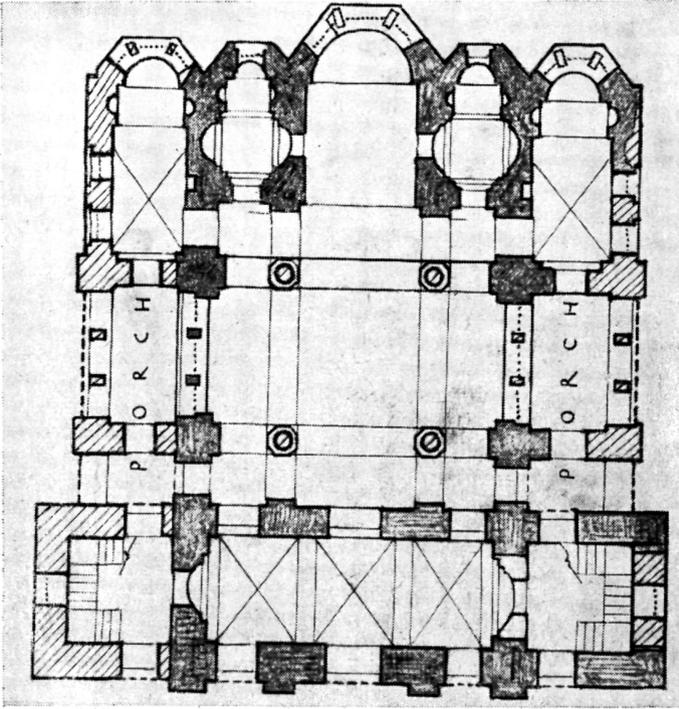

Рис. 19. Церковь Липса. План. Реконструкция Ковэнта

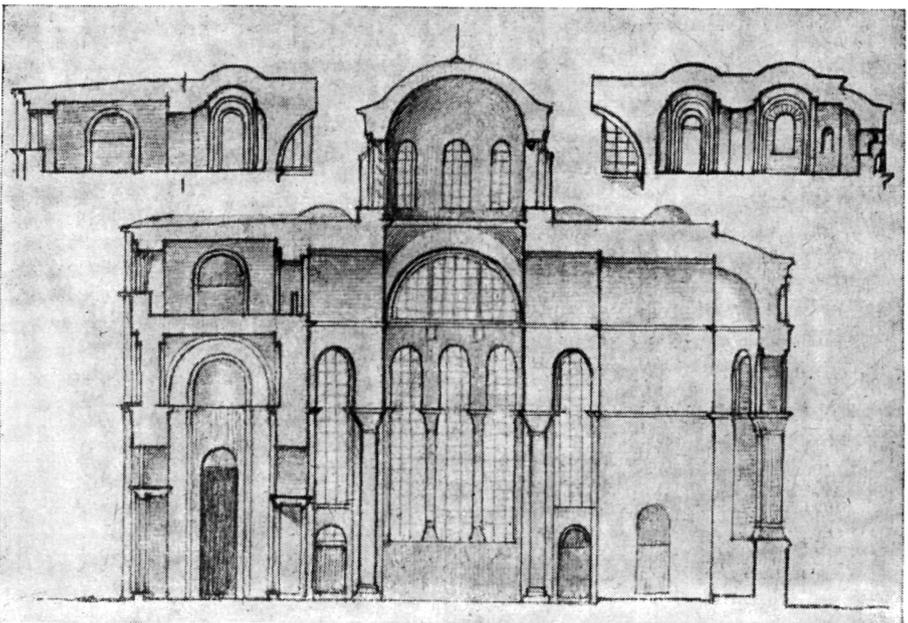

Рис. 20. Церковь Липса. Продольный разрез. Реконструкция Ковэнта

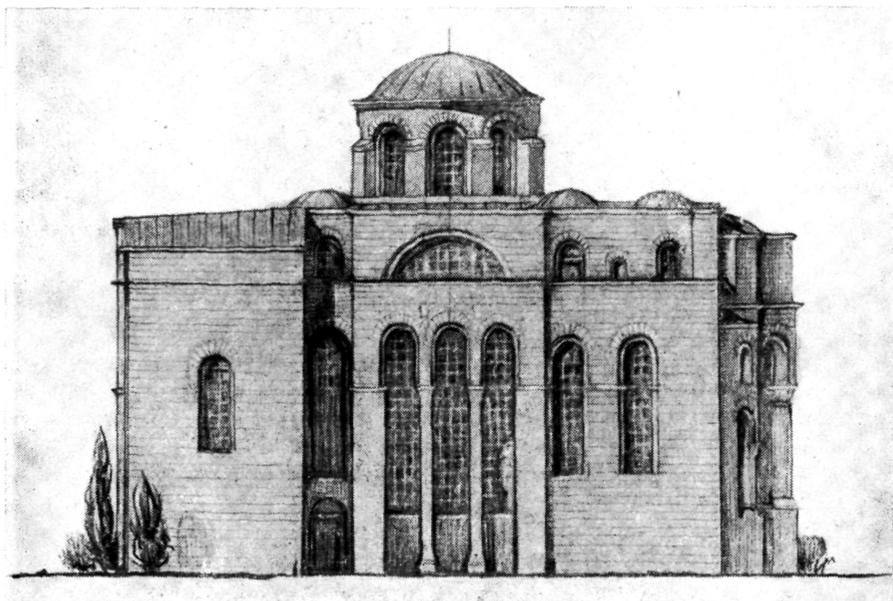

Рис. 21. Церковь Липса. Южный фасад. Реконструкция Конэнта

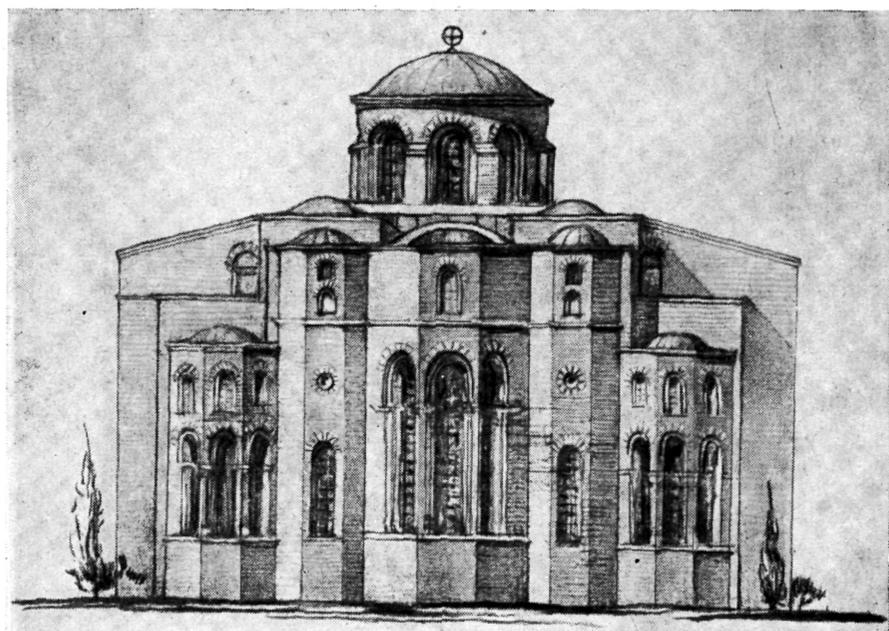

Рис. 22. Церковь Липса. Восточный фасад. Реконструкция Конэнта

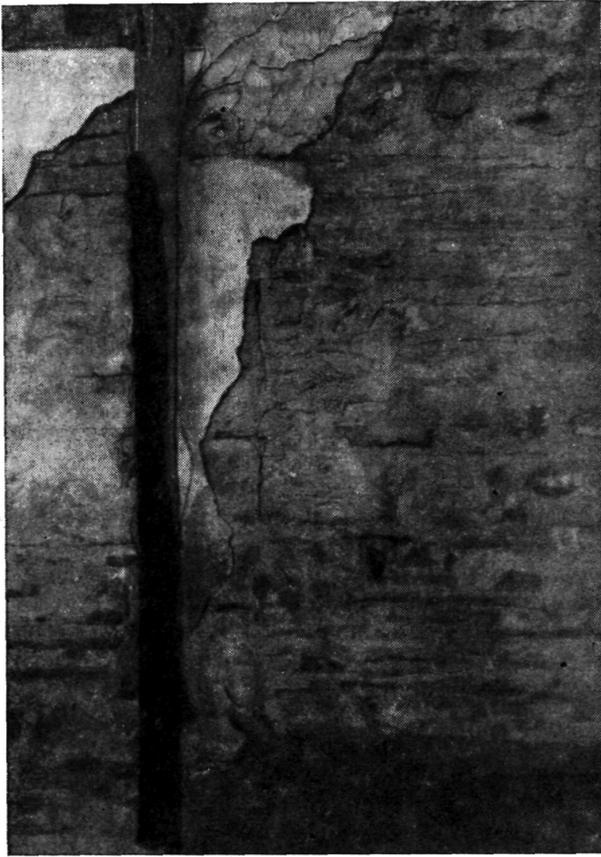

Рис. 23. Ниша, примыкающая к восточной стене южной башни церкви Липса. Фото автора. 1924 г.

частично и прорезанными большими застекленными окнами. Обращает на себя внимание одна особенность реконструкции Конэнта. [На [разрезе, опубликованном на той же странице, что и чертеж реконструкции южного фасада, представляющем собой продольный разрез здания с видом на север, Конэнт показывает застекление большого проема над дверным проемом, выходящего внутрь восточного «придела». Следовало бы очень подробно обследовать в натуре это место, так как Конэнт имел, по-видимому, основание показывать этот проем застекленным. Можно быть уверенным, что вопрос о справедливости реконструкции Конэнта в этом пункте может быть выяснен тщательным анализом в натуре соответствующих сохранившихся частей здания.

Мега отрицает, что в нише, которая примыкает к восточной стене южной башни, имеется нарушение кладки. Это место представляет большой интерес для реконструкции первоначального вида церкви Липса, так как именно в этом месте примыкала стена или арка проема южного крайнего нефа до пристройки южной церкви, если такой крайний неф действительно существовал. Нарушение кладки X в. в данном месте можно было отчетливо видеть в 1924 г. и оно видно на фотографии, снятой тогда (рис. 23). В глубине этой ниши виден угол южной башни, к которому примыкает стена XIII в. Этот угол оказывается без лопатки, что также указывает на первоначальное существование южного крайнего бокового нефа, по отношению к которому башня несколько выступала на юг, причем сам этот выступ заменял собой лопатку.

Мега, разбирая отдельные работы, посвященные изучению церкви Липса, почему-то пропустил реконструкцию Конэнта, опубликованную еще в 1942 г. Эта публикация довольно детально иллюстрирует мысли Конэнта по вопросу о первоначальном виде церкви Липса. Конэнт издал свою реконструкцию в виде плана, продольного разреза и двух фасадов — южного и восточного. При этом церковь Липса фигурирует вместе с другими памятниками византийской архитектуры и схематическими чертежами, которые дают целую типологию византийских архитектурных систем. Особенно интересно, что такая историко-теоретическая разработка основ средневизантийской архитектуры связывается в работе Конэнта также и с картиной возникновения древнейшего русского зодчества. Конэнт сосредоточивает свое внимание из всех сохранившихся средневизантийских построек Константинополя на Гюль-Джами, по-видимому, главным образом потому, что она отличается своими более крупными размерами от других зданий того же времени. Если диаметр купола церкви Липса составлял несколько меньше 5 м, купол Эски-Имарет был примерно того же размера, то купол Гюль имеет диаметр почти 9 м. С одной стороны, Конэнт берет план Гюль за основу своей реконструкции Неа, с другой стороны, именно Гюль он сравнивает с Киевской Софией и считает ее прототипом тех константинопольских построек, которые послужили прототипом первого сохранившегося русского каменного здания. Гюль-Джами занимает среди средневизантийских построек Константинополя несколько особое место, что отчасти связано с двумя строительными периодами, не считая турецкого, которые наблюдаются в этом здании. Свой окончательный вид Гюль получила в византийское время в XII в., о чем красноречиво говорят семигранный план средней апсиды (что дает очень измельченные членения), вертикальные пропорции отдельных граней апсид, с чем связаны очень сильно вытянутые по вертикали ниши по сторонам тройного окна, а также кладка со скрытым рядом. Все это очень сильно сближает Гюль с южной церковью монастыря Пандократора. Вследствие этого разница, по сравнению с Киевской Софией, отчасти объясняется различным временем их возникновения. Для реконструкции Неа Гюль выбрана неудачно, потому что расположение куполов в Неа было, возможно, крестообразным. Некоторые особенности Гюль, отличающие ее от других средневизантийских построек Константинополя, очень напоминают русскую архитектуру XI—XII вв. К ним относятся закомары, встречаемые в таком развитом виде в Константинополе еще в нартексе южной церкви монастыря Пандократора и представляющие собой одну из самых типичных особенностей древнерусской архитектуры, купола над угловыми делениями крестовокупольной системы, притом в упрощенной, по сравнению с русской архитектурой, форме без барабанов, а также и кладка со скрытым рядом. На табл. XV—XIX Конэнт дает несколько абстрактную систематику различных византийских архитектурных типов, которая задумана как своего рода теория византийских архитектурных структур.

Наибольший интерес представляют у Конэнта чертежи реконструкции церкви Липса, большое значение в развитии византийской архитектуры автор правильно оценивает. Конэнт осмотрел остатки церкви Липса вскоре после раскопок Кэссона — Макриди — Мамбури. Конэнт при этом не знал моего исследования, опубликованного в *Belvedere* в 1926 г., так как в противном случае он, конечно, об этом упомянул бы, ибо его реконструкция очень близка к моей. То, что Конэнт не знал моего исследования, представляется мне особенно ценным, так как Конэнт вследствие этого взглянул на остатки здания, да еще в раскопанном виде, свежими глазами. Очень существенно, что Конэнт реконструирует церковь Липса как пятинефную. Очевидно, Конэнт представлял себе крайние боковые нефы в качестве дополнительных помещений, отделенных

от трех средних нефов застекленными проемами. Возможно, на реконструкцию Конэнта имело некоторое влияние предположение Эберсолта, что крайние боковые нефы церкви Липса представляли собой открытые наружу портики. Во всяком случае Конэнт реконструировал здание пятинефным, будучи знаком при посещении здания на месте с результатами раскопок. Очевидно, последние не противоречили реконструкции пятинефного здания.

Выводы исследования Мега, что церковь Липса представляет собой целостное здание начала X в. и что при этом не удалось обнаружить каких-либо более древних остатков церкви на том же месте, выглядят убедительными. Однако все же удивительным является то обстоятельство, что найденный при раскопках архивольт со скульптурами в точности соответствует диаметру цилиндрических сводов церкви Липса 908 г. Вряд ли это простое совпадение. Этот вопрос необходимо попытаться выяснить в течение дальнейших исследований. Макриди предполагает, что архивольт со скульптурами был помещен на алтарной стороне. Не выделял ли он какое-либо особое помещение, возможно, гробницу, в интерьере церкви X в.? О более древней церкви говорят также и найденные под полом нартекса церкви Липса саркофаги ранневизантийского времени, для помещения которых на том месте, где они оказались, пришлось отбросить не помещавшиеся под полом нартекса высокие крышки, на что указал Мамбури.

В итоге всего вышесказанного необходимо признать, что опубликованные результаты последних исследований церкви Липса породили новую гипотезу в отношении первоначального вида здания — остроумную и живую, но никак не доказанную. Необходимо доследовать вопрос о первоначальном виде церкви Липса. При помощи тщательных наблюдений, многочисленных дополнительных и глубоких зондажей, а также раскопок в нескольких местах на более обширной площади, чем это было сделано до сих пор, а кое-где и повторных раскопок на прежних местах, можно добиться бесспорных выводов. Нужно, наконец, прийти к окончательным выводам, после которых уже не было бы необходимости в каких-либо доследованиях. В особенности следует обратить внимание на северо-западный угол всего здания, а также на внутренние части пристройки XIII в. Так, например, на чертеже Мамбури, который представляет собой поперечный разрез всего комплекса по диаметрам куполов (рис. 4), черным показано основание под северными колоннами южной церкви. Следует, конечно, помнить неточности чертежей Мамбури в отношении отнесения отдельных частей здания к тому или иному строительному периоду.

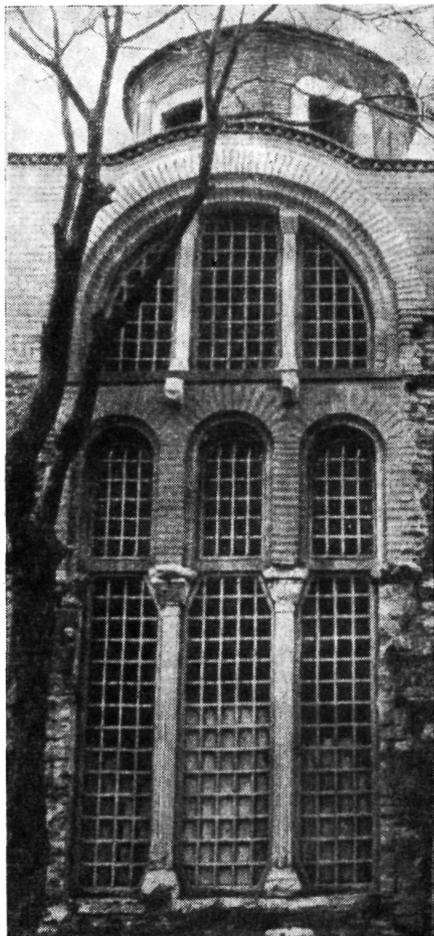

Рис. 24. Северная сторона церкви Липса после реставрации

Показанный черным фундамент под колонной как будто принадлежит восточной колонне в данной части южной церкви. Вследствие этого этот фундамент, очевидно, принадлежит южной стене юго-восточного «придела». Однако даже и в этом случае это место чертежа Мамбури, если оно имеет правильное обозначение, указывает на то, что под полом церкви XIII в. сохранились части церкви Липса, которые остались недоисследованными и которые могут дать ценный материал для реконструкции первоначального вида этой церкви.

Необходимо при публикации материалов новых исследований издавать подробные чертежи раскопок и зондажей, так, чтобы при чтении отчетов об исследовании не оставалось никакого сомнения в характере полученного при раскопках и зондажах материала. В этом отношении американские исследователи в публикации 1964 г. поступили примерно так же, как Макриди в своей статье. Это может породить споры и возражения.

Недостатком производившихся до сего времени работ по исследованию церкви монастыря Липса, да и других построек Константинополя является отсутствие настоящих архитектурно-археологических обмеров того типа, какие делал, например, Покрышкин при исследовании церкви Спаса-Нередицы в Новгороде. Как обмеры Мамбури, так и обмеры 1960 г. являются обмерами схематическими. Линии очертаний стен проведены условно по линейке, они основаны на слишком небольшом количестве взятых размеров. Необходимо очень тщательно обмерять памятники методом причалок, о котором так подробно и убедительно писал Покрышкин и который в настоящее время укоренился у нас при исследовании и реставрации памятников архитектуры. Настоящая детальная обмерная фиксация, с обозначением каждого камня и каждого кирпича, сама по себе даст очень много для исследования памятника и для восстановления на бумаге его первоначального вида. Была ли проведена такая фиксация при работах 1960 г. над комплексом построек Фенари-Исса? Если да, то ее необходимо возможно скорее издать, чтобы эта фиксация и другие полученные материалы не разделили участи материалов Кэссона — Макриди — Мамбури.

В 1960 г. Фенари-Исса не только была подвергнута исследованию, но она была подвергнута отчасти также и реставрационным работам, в связи с которыми здание собственно и было частично исследовано. То, что опубликовано в отношении результатов этой реставрации, вызывает серьезную тревогу. Поверхности стен, например, с северной стороны, были частично облицованы новым кирпичом (рис. 24). Не говоря уже о том, что новый облик, который получила на северной стороне церковь Липса, не радует глаз своими мертвыми поверхностями современной кладки, эта реставрация закрывает, по крайней мере в тех местах, где она осуществлена, возможность исследования архитектуры памятника, как его первоначального вида, так и дальнейших переделок и добавлений. Реставрация должна в принципе оставлять нетронутой поверхности кладки сохранившихся частей здания. Ведь не исключена возможность, что исследователи до производства реставрационных работ не исчерпали всех возможностей исследования и что последующие исследователи и последующие поколения ученых обнаружат то, что было пропущено их предшественниками. Примененный метод реставрации свидетельствует о самонадеянности реставраторов, которые уверены, что они сделали все возможное. Это рискованно хотя бы уже потому, что человеческая жизнь и наука постоянно движутся вперед и что люди последующих поколений смогут увидеть в развалинах то, что не видят люди нашего времени, уже только потому, что они будут смотреть новыми глазами. Особенно опасны реставрации, которые не сопровождаются подробным изданием реставрационных работ с детальнейшими обмерами и последовательной фиксацией каждого их этапа.

Новейшая публикация исследования церкви Липса выдвинула новую рабочую гипотезу. Однако реконструкция Мега не доказана, в настоящем виде она представляется мне невероятной. Более убедительной представляется мне реконструкция церкви Липса в виде пятинефного здания того или иного варианта, в частности, как это было сделано мною в 1924 г., потом Макриди и Мамбури и еще позднее, совершенно независимо, Конэнтом.

Значение церкви Липса в истории византийской и всемирной архитектуры связано с тем, что это древнейшая вполне сложившаяся крестовокупольная постройка Константинополя. Исследование византийских зданий Константинополя, как это всем известно, наталкивается на исключительно большие трудности. Необходимо, тем не менее, всеми мерами стараться преодолевать эти трудности, так как постройки средневизантийского времени в Константинополе нельзя заменить никакими другими византийскими зданиями, находящимися вне столицы.

Крестовокупольная система, в ее окончательно откристаллизовавшемся виде, представляет собой основное достижение средневизантийской архитектуры. Ее значение заключается в том, что она является своего рода синтезом достижений всей античной архитектуры. Однако этот синтез совершился на основе новой культуры — византийской. Византийская архитектура передала средневековой Европе и прилегающим к ней восточным областям античное архитектурное наследие в переработанном виде в форме крестовокупольной системы. Однако между Западной и Восточной Европой имеется в области архитектурной композиции существеннейшее различие, состоящее в том, что на Западе Европы преобладает базиликальная система, на Востоке Европы — центрическая композиция в форме крестовокупольной системы. Это различие имеет глубокие корни в западно-европейской и восточно-европейской культуре. Речь идет при этом о различиях в пределах некоторого доминирующего общеевропейского исторического развития, отдельные этапы которого прослеживаются во всех частях Европы.

Крестовокупольная система господствовала в культовой архитектуре Восточной Европы вплоть до XX в. В Западной Европе она также имела распространение в отдельные периоды ее развития. В романскую эпоху Сан-Марко в Венеции широко влиял на западно-европейскую архитектуру, ярким свидетельством чего является Сен-Фрон в Перигё. Особенно сильно это влияние сказалось в эпохи Ренессанса и классицизма. Собор Петра в Риме представляет собой в своей основе крестовокупольное здание, также собор Инвалидов и Пантеон в Париже. В свою очередь, западно-европейская базиликальная композиция влияла на русскую архитектуру, хотя в меньшей степени.

Естественно возникает вопрос, в чем же заключается существо крестовокупольной системы и на чем основывается ее исключительно притягательная сила?

Крестовокупольная система представляет собой удивительно целостное комплексное решение утилитарной, конструктивной и художественной задач архитектурной композиции в их органическом взаимодействии. Купол выделяет особенно важное с точки зрения бытового назначения место, на котором стоял амвон или заменявшее его возвышение, игравшее роль средоточия византийского культа. Колонны или столбы образовывали вместе с куполом сень над этим местом, которую Зедльмайр удачно назвал балдахиним. Конструктивная задача состояла в том, чтобы погасить распор купола. В направлении стран света это достигалось цилиндрическими сводами концов креста, в диагональных направлениях — сводами угловых помещений, которые могли иметь разнообразную форму. Купол на барабане не имеет распора в основании барабана. Однако подкупольные арки оказывают на четыре опоры, которые тоже

могут иметь разнообразную форму, опрокидывающее действие в диагональных направлениях, что повышает конструктивную роль перекрытия угловых помещений. Архитектурно-художественное значение крестовокупольной системы состоит в том, что она представляет собой первую в истории архитектуры отчетливо выраженную и логически осуществленную пространственную группу. Интерьер распадается на девять частей, взаимно строго друг другу подчиненных, вследствие чего образуется как бы пирамида пространств: доминирует подкупольное помещение, ему подчинены концы креста, наиболее подчиненную роль играют более низкие маленькие угловые помещения. Пространственные подразделения интерьера как бы нарастают от угловых помещений через концы креста к увенчивающему всю композицию куполу. Для такой композиции очень существенную роль играет барабан под куполом, так как именно благодаря барабану утверждается господствующее значение подкупольного пространства.

Крестовокупольная система получила особое развитие в русской архитектуре X — XIII вв. В особенности большие пятинефные соборы XI в. существенно отличаются от византийских и, тем более, константинопольских прототипов. Первоначально я предполагал, что отличия Киевской Софии и других близких к ней русских построек от константинопольских памятников объясняются тем, что образцами для русских зданий служили не столичные, а малоазийские постройки, на что указывали как будто такие здания, как соборы в Майафаркине и Мокви. Однако дальнейшие исследования убедили меня, что разница между древнейшими русскими каменными постройками и константинопольскими постройками и зданиями Малой Азии, а также и Месопотамии и Кавказского побережья Черного моря объясняется русскими особенностями, подготовленными большой традицией народного деревянного зодчества [предшествующего времени. Одним из существенных многочисленных отличий ранней русской архитектуры от византийской является возникновение сильно выступающих внутри здания из стен и столбов лопаток. Впервые это проявилось в Киевской Софии. В особенности сильно отличие константинопольских крестовокупольных зданий на колоннах от русских построек крестовокупольного типа на столбах с сильно выраженным крестообразным членением. Эта черта, характерная для русских построек в гораздо большей степени, чем для зданий в Майафаркине и Мокви, создает сильное и спокойное расчленение внутреннего пространства. С этим связано в Киевской Софии соотношение большого и малых подкупольных квадратов: последние представляют собой каждый одну четверть большого квадрата. Эта закономерность продолжается также и в наружной одноярусной галерее первоначального здания. Вследствие этого план Киевской Софии представляет собой систему столбов, создающих пространства, кратные по отношению к квадрату под малым куполом. Концы креста представляют собой сумму двух, центральное подкупольное помещение — сумму четырех таких квадратов. Благодаря сильно выступающим лопаткам каждая часть интерьера приобретает значительную самостоятельность, вследствие чего целое оказывается составленным из законченных пространств, образующих иерархическую систему. Эта система особенно отчетливо выявляет характер крестовокупольной композиции как группы самостоятельных пространств, взаимно подчиненных и образующих сложное и удивительно созвучное целое. Спокойная ясность и гармоническая уравновешенность композиции Киевской Софии родственна русским постройкам последующих эпох до XVIII—XIX вв.

Среди византийских крестовокупольных построек в особенности выделяется Сан-Марко, вернее его константинопольский прототип, которым, возможно, была не только церковь Апостолов, но также и *Νέα* Василия Македонянина.

В архитектуре Сан-Марко перед нами группа пространственных групп. Она образована пятью синтетически соединенными в одно целое крестовокупольными ячейками. Каждое угловое помещение центральной крестовокупольной ячейки Сан-Марко представляет собой одновременно угловое помещение трех крестовокупольных ячеек. В основе плана Сан-Марко лежит идеальная группа пяти крестовокупольных ячеек, образующих очень сложную, но вместе с тем необыкновенно целостную и органическую композицию. Отклонениями от идеального прототипа являются в Сан-Марко алтарная часть, которая представляет собой как бы недоразвитую (или ампутированную с востока) крестовокупольную ячейку, а также пустая середина под центральным куполом, где должен был бы помещаться алтарь. Не удивительно, что взоры западно-европейских архитекторов постоянно обращались к Сан-Марко, влиявшему на них, начиная со времен Сен-Фрон в Перигё и вплоть до эпохи создания парижского Пантеона. Архитектурная композиция Сан-Марко оказала сильное влияние также и на зодчество Ренессанса в Италии.

Возникает вопрос, почему средневизантийская крестовокупольная система оказала такое большое влияние на последующую архитектуру Восточной и Западной Европы? Это величайшее достижение византийских архитекторов, очевидно, включает в себе такие ценности, которые были понятны и близки архитекторам многих последующих эпох и которые вместе с тем были способны развиваться в духе этих новых эпох. Причина этого заключается в том, что крестовокупольная система отражает существенное объективное свойство пространства. Ее сущность заключается в том, что в ней с максимальной отчетливостью и логичностью выявлены три основные пространственные координаты — глубина, ширина и высота. Цилиндрические своды концов креста дают обобщенное и сконцентрированное архитектурное выражение глубины и ширины. Обе эти оси пересекаются в центре здания, и на их пересечении воздвигается вертикальная ось, которая с особой силой подчеркнута барабаном и завершена куполом, центральная точка которого представляет собой средоточие всей композиции. В центральной точке под куполом находится композиционная завязка интерьера, соединяющая в одно органическое целое три пространственных измерения, которые образуют как бы невидимый скелет всей системы.